

15-ГО ЮЛЯ
1908 г.

ТУРКЕСТАНСКИЯ

№
14-й.

изданія

СЪВЕЩАТЕЛЬНЫЯ

годъ III-й

ВЪДОМОСТИ

Подписная цѣна на годъ 6 рублей. Плата за объявленія въ официал. ч. 20 коп. въ неофициал.—10 коп. за строку петита; за разсылку 100 объявленій 1 р. 50 к
Адресъ редакціи: Гор. Вѣрный, Семирѣченской области.

ЧАСЫ СОЩЕЛЕННЫЯ

28 Юня прибылъ въ гор. Ташкентъ новый Начальникъ Туркестанскаго края, Генераль-Губернаторъ Павелъ Ивановичъ Мищенко.

Въ тотъ же день между Его преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Димитріемъ Епископомъ Туркестанскимъ и Ташкентскимъ и Его Высокопревосходительствомъ Г. Генераль-Губернаторомъ произошелъ обмѣнъ привѣтственными телеграммами.

Привѣтственная телеграмма его Преосвященства:

Ташкентъ.

Господину Генераль-Губернатору Павлу Ивановичу Мищенко.

Благословенъ грядый во имя Господне. Радостно привѣтствуемъ Ваше Высокопревосходительство съ благополучнымъ прибытіемъ въ главный градъ нашего края. Благодаримъ Господа положившаго на сердце Царево даровать намъ въ правители прославленнаго вождя, народнаго героя. Твердо уповаемъ, что святое знамя русское въ мужественной, благородной десницѣ вашей славно будетъ развѣваться надъ мирнымъ Туркестаномъ. Глубоко вѣримъ, что Вы-сынъ сердца Русскаго Москвы благочестивой-непрестанно будете ревновать о святой Вѣрѣ Русской, о славѣ Христовой Церкви, о благочестіи ея сыновъ русскихъ туркестанцевъ. Горячо молимся Вседержителю, да ниспошлетъ Онъ всемогущій небесное свое, во вѣки нерушимое благословеніе на вашъ святой подвигъ управления страной и да благопоспѣшитъ вамъ во всѣхъ трудахъ и предназначеніяхъ

вашихъ во славу святого Имени, своего, на радость возлюбленнѣйшаго Самодержца нашего и на благо великаго русскаго народа.

Димитрій, Епископъ Туркестанскій.

На это привѣтствіе Г. Генераль-Губернаторъ отвѣтилъ слѣдующей телеграммой:

Вѣрный.

Преосвященному Димитрію, Епископу Туркестанскому.

Съ чувствомъ радости и благоговѣнія прочелъ вашу сердечную телеграмму съ призывомъ благословенія Господня на мирное служеніе обширному краю. Глубоко тронуть, преосвященный владыко, вашими молитвенными пожеланіями и архипастырскимъ наставленіемъ. Испрашиваю благословенія и молитвенной помощи вашей на дальнѣйшіе мои труды по управленію Туркестаномъ.

Генераль-Адъютантъ Мищенко.

Привѣтственная телеграмма Его Преосвященства была передана управляющимъ канцеляріей Генераль-Губернатора полковникомъ Мустафинымъ Главному Начальнику края при выходѣ его изъ вагона и привѣтствіе Предстоятеля православной Туркестанской паствы явилось первымъ привѣтствіемъ при вступленіи на Туркестанскую землю новаго Генераль-Губернатора.

Его Высокопревосходительство тутъ же привѣтствовали Ташкентскій Городской голова, гласный городской думы, представители-мѣстнаго купечества, армянь, татарь, сартовъ, русскихъ и бухарскихъ евреевъ.

Новый Начальникъ Края внимательно выслушалъ привѣтствія представителей населенія края, выразивъ увѣренность, что въ его лицѣ «каждый обыватель смѣло можетъ рассчитывать встрѣтить самого благожелательнаго исполнителя любой просьбы въ предѣлахъ законности и порядка».

Съ вокзала Его Высокопревосходительство прослѣдоваль въ военный Спасо-Преображескій соборъ, гдѣ настоятель собора о. Протоіерей Богородицкій встрѣтилъ Г. Начальника края рѣчью, въ которой коснувшись славнаго прошлаго въ служебной дѣятельности Его Высокопревосходительства, окружившаго его имя ореоломъ блестящихъ военныхъ дарованій и создавшаго ему славу народнаго героя, о. Протоіерей выразилъ увѣренность, что въ русскомъ сердцѣ новаго Начальника Края найдуть откликъ и поддержку интересы русской жизни въ краѣ, а всѣ труженники встрѣтятъ любовь и довѣріе со стороны Его Высокопревосходительства. Послѣ краткаго молебствія, изъ Собора Глав-

ный Начальник края прослѣдовалъ къ Генераль-Губернаторскому дому, гдѣ ожидалъ его почетный караулъ и гдѣ собрались для представленія всѣ военныя и гражданскія власти г. Ташкента.

Циркулярно.

Указъ Туркестанской Духовной Консисторіи причтамъ церквей Туркестанской епархіи.

Туркестанская Духовная Консисторія, во исполненіи резолюціи Его Преосвященства, отъ 12 Іюля с. г. за № 1231, послѣдовавшей на отношеніи Комитета Военнаго благотворительнаго общества Бѣлаго Креста о содѣйствіи къ сбору пожертвованій 6 января 1909 года, въ пользу этого общества, — предлагаетъ причтамъ церквей Туркестанской епархіи оказать содѣйствіе къ сбору пожертвованій въ пользу Общества Бѣлаго Креста 6 января будущаго 1909 года, разрѣшенному опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 24 Апрѣля с. г. за № 2643, напечатаннымъ въ л. 18—19 Церковныхъ Вѣдомостей за сей 1908 годъ. Іюля 6-го дня 1908 г.

Благодарность.

Резолюціей Его Преосвященства, отъ 4 Апрѣля с. г. за № 1172, объявлена Архипастырская Его Преосвященства благодарность діакону Туркестанскаго Каѳедральнаго Собора о. Симеону Банченко за его службу въ должности псаломщика припріютской г. Вѣрнаго церкви, со внесеніемъ этой благодарности въ формулярный списокъ о. Банченко.

Содержаніе официальной части. Привѣтственная телеграмма Его Преосвященства новому Начальнику края — Описаніе встрѣчи Г. Начальника края въ г. Ташкентѣ. — Указъ Консисторіи. — Благодарность Епархіальнаго Начальства.

Редакторъ офиц. части, священникъ *В. Антоновъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ
на единственный въ Россіи беллетристическій и публицистическій дохлво-
но-литературный и церковно-общественный

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

КРАСНЫЙ ЗВОНЪ

„КРАСНЫЙ ЗВОНЪ“, будучи совершенно независимъ въ своихъ мнѣніяхъ по животрепещущимъ вопросамъ жизни церкви и духовенства, въ своихъ, какъ

беллетристическихъ, такъ и публицистическихъ статьяхъ всегда будетъ ратовать за освобожденіе и обновленіе церкви и ея жизни, раскрѣпощеніе духовенства, возвышеніе его авторитета черезъ установленіе живой, органической связи между нимъ и паствою и черезъ улучшеніе его духовнаго и матеріальнаго быта.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I—Отдѣлъ беллетристическій, въ которомъ помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, очерки и проч. изъ жизни духовенства, дух.-учебн. заведеній и вообще духовнаго сословія.

II—Отдѣлъ публицистическій, въ которомъ помѣщаются: 1) Статьи и очерки по вопросамъ церковной жизни, особенно требующимъ коренной реформы; 2) Хроника—краткія сообщенія о событіяхъ и фактахъ общественной и церковной жизни; 3) Церковно-общественная жизнь въ Россіи—отмѣчаетъ и освѣщаетъ съ идейной точки зрѣнія наиболѣе крупное событія церковно-общественной жизни за истекшій мѣсяць; 4) Обзоръ печати,—въ которомъ отмѣчаются наиболѣе интересныя мнѣнія періодической печати по вопросамъ церковно-общественной жизни, съ критической оцѣнкой этихъ мнѣній; 5) Церковно-общественная жизнь за границей.—Какова религіозная и церковная жизнь за границей, каково положеніе инославныхъ церквей въ отношеніи къ государству, какія отношенія существуютъ въ нихъ между пастыремъ и пасомыми, между высшей іерархіей и низшимъ духовенствомъ, какія мѣры принимаются для улучшенія церковной жизни—отвѣчать на эти вопросы, способствующіе расширенію кругозора въ области жизни отечественной, и является задачей этого отдѣла; 6) Церковное обновленіе,—гдѣ перепечатывается все, что появляется наиболѣе интереснаго въ періодической печати по вопросу объ обновленіи церкви; 7) Духовенство и паство,—отдѣлъ, посвященный нуждамъ духовенства, паствы и ихъ взаимнымъ отношеніямъ; 8) Корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ; 9) Библиографія; 10) Извѣстія и замѣтки; 11) Смѣсь; 12) Почтовый ящикъ.

Являясь единственнымъ церковно-общественнымъ ежемѣсячникомъ беллетристическимъ и публицистическимъ, „КРАСНЫЙ ЗВОНЪ“, при независимости своихъ мнѣній и обилии матеріала по самымъ жгучимъ вопросамъ церковной жизни, представляетъ особый интересъ для духовенства и его семей.

Журналъ выходитъ по образцу лучшихъ свѣтскихъ ежемѣсячниковъ—книжками до 20 печатныхъ листовъ каждая при участіи выдающихся литературныхъ и научныхъ силъ.

Условія подписки: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб. на 2 мѣс.—1 р., съ дост. и перес. въ Россіи. За границу: на годъ 10—руб., на полгода—5 руб. Отдѣльныя книжки журнала по 1 руб. 50 коп. съ перес.; нал. плат. на 10 коп. дороже. Книгопродавцы удерживаютъ изъ подписной цѣны 4⁰/₁₀₀.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, 3-я Рождественская ул., домъ № 8, кв. 1. Телефонъ № 78—84.

Вслѣдствіе снятія ареста и отмены распоряженія о приостановленіи изданія оставшіеся полные комплекты журнала „Звонарь“ за 1907 годъ могутъ быть приобретаемы по цѣнѣ 6 руб. за годъ.—Оглавленіе журнала высылается за 14 коп. почтовыми марками.

ЭГОИЗМЪ И ЕГО ПОНЯТИЕ

ЭГОИЗМЪ. КАКЪ ДВИГАТЕЛЬ НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА И ОСНОВА ДОБРА.

Въ наше время, время колебаній и сомнѣній рѣшительно во всемъ, общей участи не избѣжало и христіанское ученіе о нравственности, правильнѣе о мотивахъ нравственныхъ дѣйствій человека. Въ этой области многіе начали возвращаться къ тому, что уже двѣ тысячи лѣтъ назадъ было высказано какъ доктрина, многими пережито какъ основное правило жизни, испытано и отвергнуто почти всѣми какъ нѣчто безнравственное, а нынѣ снова поднимается изъ праха личностями, не сумѣвшими сохранить энергіи своихъ органическихъ силъ, но сохранившими въ избыткѣ и развившими до чудовищныхъ размѣровъ животныя потребности организма. Мняшіе себя представителями современной философской мысли стремятся нравственность обосновать на эгоизмѣ, себялюбіи и только на немъ одномъ, т. е. хотятъ воскресить и ввести въ жизнь живые чувственно, но духовно безжизненные образы древнихъ циниковъ, стоиковъ и эпикурейцевъ, не полагавшихъ предѣловъ чувственнымъ удовольствіямъ и видѣвшихъ во всякомъ движеніи человѣческой природы законъ, подлежащій немедленному удовлетворенію, а въ самой возможности такого удовлетворенія или въ удовольствіи находившихъ высшее благо, т. е. ту конечную цѣль, дальше которой человеку незачѣмъ и стремиться. Исторія сохранила намъ имена величайшихъ подвижниковъ и свѣтилъ эгоистической морали Калигулъ и Нероновъ, зловѣщимъ заревоиъ живыхъ человѣческихъ факеловъ освѣтившихъ на весь міръ зрѣлище собственныхъ оргій безстыдства, какъ лучшей жертвы ихъ божеству; купавшихся въ золотѣ въ безразсудной надеждѣ заразъ пережить и перечувствовать, въ физиологическомъ, конечно, смыслѣ, всѣхъ удовольствій, безпрепятственный доступъ къ которымъ открываетъ только всеильное золото. Чудовищный эгоизмъ сказался даже при трагической кончинѣ Нерона, въ томъ его предсмертномъ восклицаніи, которое сохранила намъ исторія въ качествѣ единственнаго свидѣтельства его артистическихъ способностей, не оставивъ, однако, къ глубокому огорченію нынѣшнихъ маленькихъ нероновъ, другихъ болѣе достовѣрныхъ памятниковъ благородной дѣятельности ихъ великаго учителя нравственности. При такой силѣ эгоизма, гдѣ же то добро, которое должно было изливаться полноводной рѣкой, какъ естественное продолженіе того своеобразнаго родника всякаго добра, который называется эгоизмомъ.

Его, конечно, не было, да и не могло быть. Когда говорятъ объ эгоизмѣ, какъ двигателѣ добра, всегда имѣютъ въ виду опровергнуть христіанское ученіе о самоотверженіи и любви къ Богу и ближнему, какъ основной причинѣ всего добраго и прекраснаго въ человѣкѣ, признающее эгоизмъ источникомъ нравственнаго зла въ мірѣ и его лучшимъ двигателемъ. Пусть не говорятъ намъ о добрѣ, какъ высочайшемъ идеалѣ духовной человѣческой природы, заявляютъ поклонники эгоистической морали, идеалъ, существующемъ совершенно самостоятельно, внѣ тѣхъ стремленій, какія опредѣляются особенностями физической природы человѣка. Источникъ всякой доброй дѣятельности коренится въ эгоизмѣ. Таково заключеніе нынѣшнихъ учителей нравственности, поставившихъ въ зависимость отъ тѣхъ или другихъ движеній чувственной природы человѣка даже величайшіе подвиги человѣческаго духа. Получается даже логическая несообразность, въ слѣдствіи есть то, чего не содержитъ въ себѣ причина.

Покончивъ всякіе счеты съ человѣкомъ, какъ существомъ высшаго порядка, нравственность коего должна покоиться на признаніи вѣчныхъ идеаловъ добра и правды, а не на животныхъ влеченіяхъ его чувственной природы, матеріализмъ и его приверженцы, дабы сохранить логическую послѣдовательность, должны бы отказаться отъ употребленія даже слова нравственность, ибо, по смыслу своего ученія, матеріализмъ есть отрицаніе нравственности. Нравственно то что является слѣдствіемъ свободнаго подчиненія воли человѣка, законамъ вѣчной правды и добра, безъ свободы нравственности не можетъ быть, а свободно только то, что осуществляется въ области нравственной жизни человѣка по одному только мотиву, именно по любви ко всему истинному, доброму и прекрасному, внѣ всякихъ побужденій низшаго порядка. Вотъ почему нравственности нѣтъ у животныхъ, подчиняющихся въ своей дѣятельности законамъ необходимости и есть она у людей—существовъ свободныхъ. Весьма страннымъ представляется, поэтому, матеріалистическое разсужденіе о добрѣ въ зависимости отъ эгоизма, несомнѣнно низшей способности человѣческой природы, подчиняющейся законамъ физиологической необходимости и принудительности, исключаяшимъ самую возможность нравственной оцѣнки тѣхъ дѣйствій, кои являются продуктомъ эгоизма. Эгоизмъ—двигатель нравственности и добра! Все мое—мое и все твое для меня, даже и самъ ты постольку существуешь со своими радостями, поскольку это нужно будетъ мнѣ и по скольку твои радости способны отражаться въ моемъ сознаніи. Эгоизмъ—это вѣдь «удовлетвореніе личныхъ потребностей, въ составъ которыхъ можетъ входить и удовлетвореніе потребностей другихъ, вслѣдствіе совпаденія личныхъ выгодъ съ общественными или въ силу желанія избѣжать неприятностей,

причиняемыхъ видомъ чужихъ страданій или въ силу сознанія превосходства надъ страждущимъ, которому помогаешь». Эгоизмъ ко, рыстенъ, ему чужды тѣ проявленія психической жизни человѣка которыя являются лучшимъ украшеніемъ его—это чувства состраданія, сорадованія и дѣятельная любовь. Таково содержаніе понятія эгоизма. Не ему-ли, т. е. эгоизму, обязано человѣчество скорѣе своими несчастіями, чѣмъ добромъ. А вѣдь кто утверждаетъ, что все, что въ дѣятельности человѣка носитъ характеръ добра, совершается имъ изъ эгоизма, очевидно признаетъ за послѣднимъ и исключительную привилегію на совершеніе добра и заключеніе,—безъ эгоизма добра не бываетъ, не можетъ быть отвергнуто матеріализмомъ безъ внесенія внутренняго противорѣчія въ собственную доктрину. Для примѣра представимъ себѣ человѣка съ рѣзко выразившимся въ его характерѣ эгоистическимъ направленіемъ, т. е. существо, по матеріализму, обладающее полною возможностью совершать добро, и посмотримъ, какой характеръ будетъ носить его дѣятельность, какъ чистый продуктъ эгоизма. Возьмемъ хотя-бы Наполеона I. Что добро и что зло это подскажетъ всякому его внутренній голосъ и это единственный критерій для опредѣленія добра и зла у матеріализма, не считающагося въ разрѣшеніи даннаго вопроса съ авторитетомъ Божества, какъ высочайшаго добра; въ этомъ вопросѣ, даже независимо отъ степени умственнаго развитія людей, человѣчество почти сходится, при чемъ самое сходство взглядовъ на добро и зло есть, несомнѣнно, голосъ чистой природы человѣка, а въ чемъ согласна природа всѣхъ, то, для человѣчества, въ его нравственной жизни, не можетъ быть ложью. Отвергнуть этотъ критерій опредѣленія добра и зла не значитъ-ли поколебать почву подъ ногами мыслящихъ людей, потерять навсегда возможность согласія и единства въ ихъ нравственныхъ сужденіяхъ, предоставивъ каждому судить объ этомъ вопросѣ съ точки зрѣнія господствующаго въ немъ въ данный моментъ настроенія. Теперь опредѣлите, что произведъ эгоизмъ Наполеона. Вся сумма добра, совершеннаго послѣднимъ, оправдала-ли хотя отчасти громадную и громоздскую работу его эгоизма, стремившагося подчинить себѣ и только себѣ все и всѣхъ и въ цѣляхъ осуществленія этого намѣренія, произведшаго рядъ опустошительныхъ войнъ. Можно-ли смерть, плачь, стоны, бѣдствія и несчастія другихъ, гибель тысячъ человѣческихъ жизней для удовлетворенія эгоизма одного человѣка считать добромъ, а такой эгоизмъ даже въ гениальномъ человѣкѣ лучшимъ и единственнымъ двигателемъ нравственности? Нужно быть теоритически весьма смѣлымъ и весьма неопытнымъ практически, чтобы утверждать, что всѣ люди дѣлаютъ другимъ добро потому, что ихъ личные интересы совпадаютъ съ выгодами другихъ, т. е. изъ эгоизма. Почему это стонетъ рабочій на фабрикахъ, пахарь на чужомъ полѣ и ни одинъ лучъ

радости не озарить ихъ беспросвѣтнаго горя, какъ не потому, что интересы фабриканта и помѣщика прямо противоположны интересамъ рабочаго и пахаря. Интересы богача—накопленіе себѣ богатства—всегда были и будутъ главнымъ двигателемъ вражды и притѣсненія бѣдняка, а вѣдь въ основѣ этого стремленія къ обогащенію лежитъ столь любезный матеріализму эгоизмъ. Когда фабрикантъ поставитъ свое производство на положеніе предпріятія одинаково прибыльнаго и ему и рабочему, тогда онъ совершитъ поступокъ смертельно гибельный съ точки зрѣнія эгоистической морали, но прекрасный и великодушный какъ дѣло милосердія, основанное на свободномъ ограниченіи извѣстной личностью ненасытной алчности эгоизма, способнаго обслуживать только низменные интересы человѣка и враждебнаго высшимъ запросамъ его существа. Едва-ли кто станетъ оспаривать правдивость этого послѣдняго положенія, не рискуя возбудить сомнѣнія въ правоспособности къ нравственнымъ сужденіямъ и нравственной дѣятельности.

Несомнѣнно также, что чѣмъ шире умственный кругозоръ человѣка, чѣмъ богаче его дарованія, тѣмъ могущественнѣе и вліяніе его на окружающихъ, жалкихъ и беспомощныхъ въ борьбѣ съ уничтожающимъ дѣйствіемъ силы духа злого генія. Только непониманіе истиннаго добра и собственное нравственное убожество могло внушить человѣку мысль объ эгоизмѣ, какъ двигатель добра. Нельзя одновременно служить Богу и мамонѣ, эта истина настолько очевидна для всѣхъ, что только нравственно неопрытнѣй человѣкъ способенъ утверждать, что добро и зло имѣютъ одинъ источникъ и служеніе имъ можно совершать съ одинаковымъ успѣхомъ—преслѣдуя личныя цѣли и выгоды и вступивъ на путь самоотверженной дѣятельности на пользу другихъ. Исторія разскажетъ, что въ то время, когда дѣятельность послѣдняго характера (на пользу другихъ съ ограниченіемъ собственныхъ интересовъ) во всѣ времена вызывала благодарность, восторгъ и восхищеніе, удѣломъ первой (эгоистической) было раньше и несомнѣнно будетъ всегда грозное и заслуженное проклятіе людей.

Но послѣдователи эгоистической морали идутъ еще дальше; они силятся установить тѣсное взаимоотношеніе и связь между эгоизмомъ и совершеніемъ здѣсь на землѣ Господомъ Іисусомъ Христомъ искупленія рода человѣческаго. Конечно, дальше голословнаго утвержденія даннаго положенія они не идутъ и итти не могутъ, разсчитывая на легкомысліе и невѣжество читателей и попутно выставляя на показъ собственное недомысліе. Развѣ можно говорить о корыстной дѣятельности Того, Кто во всю жизнь свою ничего не имѣлъ собственнаго и ничего не дѣлалъ для себя, кто страдалъ страданіями другихъ (съ этимъ эгоизмъ не примирится) и радовался ихъ радостями. Тотъ, Кто, какъ высшее правило жизни, далъ за-

съ общественными или въ силу жеманна безобразнаго пріятности

повѣдь о любви къ другимъ до готовности душу свою положить за нихъ, Кто прежде всѣхъ осуществилъ эту заповѣдь на крестѣ, Чья жизнь представляетъ собою единственный въ исторіи религіи примѣръ самаго полного и точнаго осуществленія въ жизни всего того, что провозглашалось, какъ идеаль, въ учении, не могъ руководиться побужденіями корыстнаго характера. Если образъ Спасителя, какъ величайшаго учителя, далеко превосходитъ все что только можетъ создать самое смѣлое воображеніе человѣка, то нравственный обликъ Его и до сихъ поръ, два тысячелѣтія спустя, своею красотою покоряющей себѣ людей, является величайшимъ чудомъ всемирной исторіи. Если-бы даже допустить невѣроятное соединеніе въ одномъ лицѣ всего того, что есть лучшаго и совершеннѣйшаго въ этомъ несовершенномъ мірѣ, то и это соединеніе не дало-бы столь совершеннаго нравственнаго образа, каковъ образъ Христа. Видѣть въ лицѣ Спасителя, какъ опредѣленной исторической личности, только воплощеніе лучшихъ качествъ симитическаго племени значить впасть въ логическое противорѣчіе (ограниченное и несовершенное не дастъ совершенства) и съ нравственной точки зрѣнія проповѣдывать нелѣпость.

Съ меньшимъ разчетомъ на невѣжество читателей современные эгоисты указываютъ на святость, какъ на чистое произведеніе эгоизма и въ стремленіи къ нравственному совершенству видяць побужденія чисто эгоистическаго характера. Они, т. е. святые, говорятъ послѣдователи эгоистической морали, ушли спасаться въ пустыни, предоставивъ міру его удѣлъ—нравственную безпомощность и гибель. Чтобы достигнуть святости, многіе оставляли жизнь городовъ и селеній и уходили въ пустыни и тамъ, путемъ воздержанія и ограниченія личныхъ потребностей и усиленной молитвы, дѣйствительно достигали высокой нравственной чистоты. Отсюда и заключаютъ, что этими людьми руководили побужденія чисто эгоистическаго характера: пусть міръ погрязаетъ въ порокахъ и преступленіяхъ, я хочу устроить только свое спасеніе, а до другихъ мнѣ дѣла нѣтъ. Такъ разсуждаютъ и на такомъ положеніи строятъ свои заключенія послѣдователи матеріализма, видящіе въ подвигахъ пустынножителей преслѣдованіе эгоистической цѣли—устроеніе собственнаго спасенія. Очевидно такое заключеніе ложно въ самомъ основаніи своемъ. Не святые люди уходили въ пустыни, а люди сознательно стремившіеся къ совершенству (а вѣдь это цѣль всего существующаго) и видѣвшіе въ обстановкѣ жизни въ пустыни болѣе благоприятныя условія для этого нравственнаго совершенства. Если-бы среди шума городской и сельской жизни человѣкъ могъ съ одинаковымъ успѣхомъ осуществлять нравственный божественный законъ, тогда не было-бы и нужды итти въ нустыню для этой цѣли. Но въ мірѣ и среди его соблазновъ человѣкъ не такъ легко

отрѣшается отъ порочныхъ влеченій своей природы, какъ въ уединеніи, среди суровой безмолвной природы. И изъ своего далека, изъ пустынь эти свѣточн нравственной жизни сильнѣе двигали современный имъ міръ по пути совершенства, чѣмъ тысячи учителей нравственности, остававшихся въ мірѣ, но изнемогавшихъ въ безнадежной борьбѣ съ проявленіемъ зла въ своемъ собственномъ существѣ. Эти послѣдніе своимъ примѣромъ могли внушить окружающимъ скорѣе сознаніе великой мощи зла, чѣмъ поднять челоуѣка на борьбу съ этимъ самымъ зломъ и обезпечить силою своего обаянія конечное торжество нравственныхъ началъ надъ проявленіемъ безнравственности. На зарѣ христіанства, въ то время, когда впервые съ голговы раздался голосъ всепрощенія и любви къ челоуѣку—мучителю.—«отче, прости имъ, не видятъ бо что творятъ», совершено уже было спасеніе величайшаго грѣшника-разбойника на крестѣ, весь подвигъ котораго состоялъ въ одномъ искреннемъ покаянномъ вздохѣ, быть можетъ единственномъ въ его жизни, единственномъ на протяженіи десятковъ лѣтъ глубокаго нравственнаго растлѣнія. И за одинъ этотъ покаянный вздохъ изъ устъ Богочелоуѣка онъ услышалъ—«днесъ со мною будеши въ рай». Христіанство не ставитъ въ качествѣ необходимаго условія спасенія изнуреніе плоти и самоистязаніе и грубо ошибаются тѣ, кои видятъ въ упражненіяхъ, направленныхъ къ подавленію физической природы, христіанскую заповѣдь, а въ продолжительности такого изнуренія несомнѣнное ручательство и залогъ вѣчнаго спасенія. Внушая своимъ послѣдователямъ борьбу съ влеченіями и дурными наклонностями плоти, христіанство полагаетъ красоту челоуѣка въ его добрыхъ духовныхъ качествахъ; заповѣди блаженства превозносятъ только духовныя совершенства людей и въ ограниченіи потребностей физической природы видятъ прекрасное средство дать возможность челоуѣку стать тѣмъ, кѣмъ онъ и долженъ быть, т. е. дать торжество духу надъ чувственными влеченіями. Когда жаждавшій совершенства шель въ пустыню, то главнымъ побужденіемъ здѣсь было не спасеніе въ смыслѣ награды блаженствомъ, а достиженіе нравственнаго совершенства, т. е. достиженіе того, что, какъ идеаль, предносится всегда умному взору христіанина, и къ чему зоветъ ж Его Господь, говоря—«будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» (стремленіе къ постепенному уподобленію Богу). Въ данномъ случаѣ вопросъ можно поставить въ такой формѣ: въ челоуѣкѣ заложено стремленіе къ истинѣ, къ знанію, къ добру; можно ли осуществленіе этого внутренняго стремленія назвать эгоизмомъ? Мнѣ кажется, что только нравственно неразвитый челоуѣкъ можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ не въ отрицательномъ смыслѣ. Когда ученый стремится узнать истину, когда ощущая въ себѣ присутствіе Бога, челоуѣкъ все отдаетъ, что собиралъ ему эгоизмъ:

и богатство, и имя, и славу и житейскія удобства и, свободный отъ узъ, связывавшихъ полеть его духа, идетъ къ страждущимъ облегчить ихъ страданія, рискуя собственной жизнью, которая всегда сознается человѣкомъ какъ величайшее благо, неужели и тутъ человѣкомъ двигаетъ эгоизмъ? Но вѣдь здѣсь нѣтъ главнаго признака эгоистической морали—исканія собственной пользы, когда въ подвигахъ любви къ ближнимъ человѣкъ забываетъ даже объ отдыхѣ, пренебрегаемъ всѣми удобствами и имѣетъ въ виду скорѣе все потерять, чѣмъ что-либо приобрести. Безкорыстная жертва, приносимая въ данномъ случаѣ человѣкомъ высочайшей правдѣ и добру никоимъ образомъ, по мотивамъ своимъ, не можетъ быть подведена подъ понятіе эгоистической, такъ какъ эгоизмъ ищетъ своей корысти только здѣсь, на земли и ему дѣла нѣтъ до загробной жизни, который онъ, по существу своего ученія, не можетъ и допускать. Несомнѣнно, что и многіе изъ христіанъ при совершеніи добра находятъ побужденіе въ предвкушеніи ожидаемой за добро награды, но такъ поступаютъ «рабы», а не „дѣти“ Небеснаго Отца и христіанство, какъ богооткровенная религія, своимъ ученіемъ не вызываетъ такого пониманія сущности его нравственныхъ положеній. «Христіанинъ дѣйствуетъ нравственно хорошо не изъ-за награды, но также и не безъ награды. Награда есть ничто иное, какъ богоустановленное слѣдствіе его жизни. Ни одинъ разумный человѣкъ ничего не совершаетъ безъ вниманія къ результату дѣла. Конечно, не строятъ дома тѣ, кто только можетъ вывести его едва выше фундамента; такъ и человѣкъ не можетъ дѣйствовать съ охотой и радостью, если онъ не увѣренъ, что добро имѣетъ смыслъ и сопровождается опредѣленнымъ результатомъ. Поэтому мысль о результатѣ неотъемлема также и отъ нравственнаго поступка, и чѣмъ яснѣе предносится намъ послѣдняя цѣль, тѣмъ болѣе это воодушевляетъ насъ въ нашихъ благородныхъ стремленіяхъ. Награда для христіанина состоитъ прежде всего въ его духовно-нравственномъ совершенствѣ». (Е. Пфеннигсдорфъ).

То добро, которое покоится на эгоизмѣ и котораго такъ усердно ищутъ современные матеріалисты, если бы оно и въ дѣйствительности существовало, съ точки зрѣнія христіанской нравственности совершенно обезцѣнивается, такъ въ своей основѣ и конечной цѣли имѣетъ личную пользу, «ищетъ своихъ», а не руководится безкорыстіемъ. Только добро, совершаемое во имя самаго добра, во имя стремленія къ высочайшему добру—Богу, и совершенно чуждое желанія непосредственной корысти, не однимъ христіанскимъ только ученіемъ, но и общечеловѣческимъ сознаніемъ признается за добро. Оно въ самомъ себѣ заключаетъ и награду для человѣка еще здѣсь въ томъ мирѣ и душевномъ равновѣсіи, которые являются неизмѣнными спутниками всякаго добраго дѣла, совершаемаго ради самаго

добра и во имя Бога, призвавшаго человека къ добру. Такое добро не оправдывается эгоистической моралью, такъ какъ эгоизмъ не можетъ примириться съ чужимъ счастьемъ, если оно не будетъ вмѣстѣ и счастьемъ эгоиста; между тѣмъ на долю самоотверженныхъ дѣлателей добра рѣдко выпадаетъ счастье, хотя вся жизнь ихъ уходитъ на созиданіе счастья и благополучія другихъ.

Священникъ В. Антоновъ.

Смысль, причины и значеніе такъ называемаго „разрыва“ русскаго интеллигентнаго общества и народа.

(Рѣчь, произнесенная И. П. Раkitинымъ на годовомъ торжественномъ К.-В. братскомъ собраніи).

(Окончаніе).

Западное просвѣщеніе нашей древней Руси извѣстно было и до Петра В., когда оно мирилось съ формами народнаго быта. Иноземцы въ тогдашнее время способствовали у насъ улучшенію военнаго дѣла, разработкѣ руды, открытіи желѣзныхъ чугунныхъ и мѣдныхъ заводовъ, фабрикъ кожевенныхъ, бумажныхъ, суконныхъ, стеклянныхъ. Вліяніе иноземцевъ отразилось у насъ на рѣзбѣ и живописи. Иноземцы способствовали у насъ улучшенію скотоводства и огородничества. И что интереснѣе всего, русское правительство, заключая договоры съ иноземцами, требовало, чтобы они «людей государевыхъ всякому дѣлу научали и никакого ремесла отъ нихъ не таили». Такъ что старый русскій нашъ народъ, беря полезное изъ Западной Европы, свободно примирялъ его съ формами своего быта. Не такимъ путемъ пошелъ Петръ В. Прежде чѣмъ показать преимущество вводимой имъ новизны, онъ съ яростью фанатика набросился на ненавистную имъ русскую старину. Укажемъ на нѣсколько примѣровъ. Русскій народъ съ особымъ уваженіемъ относился къ монастырямъ. Петръ, оцѣнивая монастырскую молитву съ точки зрѣнія «прибыли», объявилъ монаховъ тунеядцами, пытаясь превратить монастыри въ солдатскія казармы. Одною изъ высшихъ формъ добродѣтели русскій народъ изстари считалъ милостыню, подъ тѣмъ предлогомъ, что милостыня можетъ разводить тунеядцевъ, Петръ запретилъ раздавать милостыню, подвергая даже денежному штрафу того, кто бы протянулъ нищему руку помощи. Русскій народъ привыкъ чтить святые иконы, особенно выдѣляя изъ нихъ иконы чудотворныя; Петръ, находя, что этимъ поддерживается суевѣріе въ народѣ, объявилъ противъ чудотворныхъ иконъ цѣлый походъ. Какъ подъ предлогомъ борьбы съ суевѣріемъ, такъ и по другимъ соображеніямъ, Петръ сдѣлалъ цѣлый рядъ такихъ распоряженій, которыя посягали часто на совершенно невинные и никому

не вредные, но въ то-же время очень дорогіе для народа, религіозныя вѣрованія и обычаи. Приказано было, на примѣръ, разорять часовни, снимать съ иконъ оклады и привѣсы, прекратить хожденіе по улицамъ съ образами и св. водою, отмѣнять нѣкоторые крестныя ходы и т. д. Народъ привыкъ относиться съ особымъ уваженіемъ къ первосвятителямъ церкви—патріархамъ; Петръ, какъ-бы въ насмѣшку надъ этимъ чувствомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ старался профанировать и это званіе и эти чувства. На ряду съ патріархомъ, народъ привыкъ чтить и своего царя, прилагаемый къ которому эпитетъ «благочестивѣйшій» для русскаго человѣка не былъ пустымъ звукомъ. Петръ постарался насмѣяться и надъ этой святынею народа: «прежніе государи, жаловался народъ, по монастырямъ ѣздили, Богу молились, а нынѣшній государь только на Кокуй ѣздитъ»,—указывая этимъ на нескрываемое распутство Петра, бравировавшимъ, онъ какъ-бы намѣренно разсѣвалъ тотъ ореолъ, которымъ народъ привыкъ окружать своего государя.

Какъ человѣкъ, не получившій въ молодости даже того образованія, какое можно было получить дома, а воспитанный сначала на улицѣ, а потомъ въ нѣмецкой слободѣ, гдѣ ютились отбросы европейскаго общества, страстный, порывистый, всегда упрямый въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, Петръ В. не могъ отнестись вдумчиво и серьезно къ такому важному дѣлу, какъ примиреніе вводимой имъ новизны съ тѣмъ, что было цѣнно въ старинѣ. Онъ какъ-бы просмотрѣлъ тотъ важный фактъ, что оснвнымъ руководящимъ началомъ русскаго народа, какъ мы видѣли, было религіозная вѣра, не отрицавшая разума, но не уступающая ему въ рѣшеніи высшихъ вопросовъ жизни. Съ этой точки зрѣнія оцѣнивались у него всѣ мельчайшія подробности народнаго быта, хотя бы они не имѣли никакого отношенія къ религіозной вѣрѣ. По этимъ побужденіямъ старые москвичи на примѣръ не позволяли принимать иноземцу благословеніе у православнаго духовнаго лица или тому же иноземцу не позволяли носить русское платье. Вѣра и народность въ воображеніи русскаго народа до того слились въ одно цѣлое, что факты народнаго быта казались внѣшними формами проявленія религіи, напр. ношеніе бороды, форма платья старыми русскими людьми разсматривались съ точки зрѣнія религіозной. Слова «Русскій и Православный» стали синонимами и кто посягалъ на народность, тотъ по представленію стараго русскаго человѣка посягалъ и на православіе. Петръ В., посягнувши на бытъ древнерусскаго народа, тѣмъ самымъ посягнулъ и на православіе его. Почему русскій народъ, усумнившись въ русскомъ происхожденіи Петра въ его благочестіи, назвалъ его нѣмцемъ—антихристомъ. А вдумчивый французъ Болье назвалъ Петра первымъ русскимъ нигилистомъ.

Петръ В. въ отношеніи реформъ древне-русской жизни оказалъ менѣе дальновиднымъ чѣмъ Св. Князь Владиміръ. Реформа, произведенная Владиміромъ, была глубже по своему замыслу, ибо она имѣла своей цѣлью построить строй русской жизни на совершенно новомъ началѣ идеалѣ. Онъ прекрасно примирилъ вводимую имъ новизну съ дорогою для русскаго народа стариною: «И живяще Володиміръ по устроенью отьню и дѣдню», пишетъ лѣтописецъ. Какъ-бы въ награду за такое великое дѣло русская церковь причислила его къ лику святыхъ, а признательный русскій народъ называлъ его ласкательнымъ словомъ «Красное Солнышко».

Петръ В., порвавши связь съ народомъ, былъ не одинъ. Возлѣ его образовалась цѣлая компанія его единомышленниковъ, которые его понимали и которые ему сочувствовали. Это были, по мнѣнію позднѣйшихъ цѣнителей, тѣ новые люди, изъ которыхъ вышла наша интеллигенція. Особенность ихъ состояла въ томъ, что они осудили весь древній бытъ русскаго народа, не разбирая въ немъ хорошаго отъ дурного. Ту вѣру, во имя которой русскій народъ отстаивалъ свой бытъ, эти люди назвали суевѣріемъ и въ противовѣсъ выдвинули свое начало—разумъ, не пользуя его во всей полнотѣ, а лишь однимъ его проявленіемъ—анализомъ: ихъ насажденія носили строго телитарный характеръ.

Разобщенію новыхъ людей во главѣ съ Петромъ В. много способствовало политическое безправіе и социальное поробоженіе народа.

Власть русскаго царя до Петра В. покоилась на взаимномъ довѣрїи между царемъ и народомъ, которые имѣли одну вѣру, одинъ бытъ, одинаково понимали, въ чемъ заключается благо страны и не имѣли побужденій расходиться во взглядѣ къ его осуществленію. Русскій царь, обладая полнотою власти, свой разумъ и совѣсть провѣрялъ путемъ непосредственнаго общенія съ разумомъ и совѣстью своего народа. представители котораго по назначенію и выбору за сѣдали въ боярской думѣ и земскомъ соборѣ. Эти два учрежденія должны были лечь въ основаніе будущаго нашего государственнаго строя. Сущность его заключалась въ томъ, что русскій народъ, принимавшій участіе въ созданіи своей гражданственности, не обрекался на безучастное отношеніе къ судьбѣ своей въ будущемъ, не узурпируя правъ у государя, который самъ добровольно предалъ ему. Петръ В., уничтоживъ старо-русскія учрежденія вплоть до самодержавной власти, объявилъ принципъ европейскаго абсолютизма. До Петра В. при встрѣчѣ серьезнаго дѣла представители власти разсуждали: «это дѣло великое для всего христіанства: государю нашему надобно совѣщаться объ немъ со всею землею», и дѣйствительно такое дѣло рѣшалось «по государеву указу и соборному уложенію». Теперь же, съ провозглашеніемъ принципа абсолютизма было объявлено: что

самовластный монархъ никому отчетовъ въ своихъ дѣлахъ дать не долженъ и народъ, потерявши всякую надежду отстаивать свои интересы, отданъ былъ въ рабство, скоро получившіе свое оправданіе въ теоріи бѣлой и черной кости Новые люди, созданные Петромъ В., причисляя себя къ бѣлой кости, пошли по пути, указанному имъ государемъ-революціонеромъ, не сочувствуя не только внѣшнимъ формамъ быта народа, но его высшимъ стремленіямъ и идеаламъ.

Разрыву русскаго передового общества съ народомъ не мало способствовалъ наплывъ къ намъ иноземцевъ, которые массою, переходя въ Россію и встрѣчая здѣсь радушный пріемъ, размѣшались то въ чиновной іерархіи, то въ роли комерсантовъ, то въ роли домашнихъ учителей, являясь воспитателями нашего дворянскаго юношества. Нельзя отрицать того факта, что многіе изъ этихъ иноземцевъ, просвѣщенные западнымъ образованіемъ, принесли много пользы Россіи. вмѣстѣ съ этимъ и нельзя умолчать и о томъ, что много они принесли ей вреда. Совершенно чуждые духу русскаго народа, гордые своею цивилизаціей, они не иначе смотрѣли на нашъ народъ, какъ на этнографическій матеріалъ, лишенный всякаго цѣннаго содержанія, а потому не могли внушать къ нему уваженія. Они по вѣрному выраженію Михайловскаго-Данилевскаго много знали, но ничего не чувствовали къ Россіи. Трудно опредѣлить число иноземцевъ, вошедшихъ путемъ обрусѣнія въ составъ русскаго общества. Но ихъ много. Не даромъ смѣются надъ нами, что мы будто-бы вели войну съ японцами съ помощью нѣмецкихъ генераловъ. А вспомнимъ, что дѣлалось у насъ на руси при Аннѣ Ивановнѣ, Іоаннѣ Антоновичѣ, Петрѣ III, Павлѣ I: русскіе въ столицахъ тогда чувствовали, какъ на чужбинѣ. Были у насъ да и теперь существуютъ цѣлыя области, гдѣ рѣшительно царствовали иностранцы. Это въ особенности должно сказать о министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. «Россія, говоритъ помянутый Михайловскій-Данилевскій, являетъ единственный примѣръ въ мирѣ, что дипломатическій корпусъ ея состоитъ большею частію изъ иностранцевъ. Не всѣмъ имъ извѣстенъ нашъ языкъ и не многіе были изъ нихъ въ Россіи далѣе Петербурга. Сосчитавъ по адресъ-календарю нынѣшняго (1815) года всѣхъ чиновниковъ, употребленныхъ Россіею въ извѣстныхъ посольствахъ, я нашель, что ихъ 73 человекъ, между которыми только пятнадцать русскихъ именъ. Фуль, Поццо, Капо, Тейль—вотъ странный подборъ именъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ посланниковъ... Даже нѣтъ надежды, чтобы въ нашъ вѣкъ мѣста нашихъ министровъ при чужеземныхъ дворахъ были заняты настоящими русскими, по той причинѣ, что молодые люди, служащіе при различныхъ посольствахъ и, слѣдовательно, готовящіеся современнымъ заступитъ высшія дипломатическія степени, происходятъ изъ

фамилій иностранныхъ, частію изъ остзейскихъ губерній, частію изъ поселившихся въ Петербургъ въ теченіе XVIII столѣтія. Этотъ классъ людей получаетъ обыкновенно хорошее воспитаніе, но основанное на космополитическихъ правилахъ. Они много знаютъ о Россіи, но ничего не чувствуютъ къ Россіи. Умъ ихъ и память обогащены познаніями, но душа ихъ и сердце не напитаны истинною любовью къ отечеству, привязанностію къ престолу и уваженіемъ къ русскимъ нравамъ и обычаямъ». Изъ шести нашихъ уполномоченныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, только одинъ графъ Разумовскій былъ природнымъ русскимъ, «да и тотъ, по выраженію К. Н. Шильдера, отъ Россіи почти отрекся». Остальные были всѣ иностранцы: Нельсероде родомъ изъ Лиссабона, Стакельбергъ—лифляндецъ, Анстеть—эльзасецъ, Поццо до-Борго—корсиканецъ, графъ Каподистрія—корфійотъ. Бывали случаи, когда вслѣдствіе общественныхъ или политическихъ переворотовъ, мы принимали цѣлыми массами иноземцевъ. Таковы гонимые у себя дома рыцари іезуитскаго и мальтійскаго орденовъ, таковы политическіе эмигранты великой французской революціи. Былъ у насъ и особый классъ иноземцевъ, которые буквально кишмя кишѣли у насъ,—это гувернеры и гувернантки. Между ними, конечно, были люди, отвѣчающіе своему назначенію, но большинство изъ нихъ у себя на родинѣ не пошли дальше парикмахерскихъ, кучерскихъ, лакейскихъ, швейныхъ. Между тѣмъ, у насъ отводилось имъ почетное мѣсто въ домахъ зажиточныхъ дворянъ; они служили фильтрами, чрезъ которые дѣти высшаго класса очищались отъ всего русскаго народа. Тутъ къ мѣсту вспомнить слова извѣстнаго археолога Сахарова: «Благодарю Господа, что надъ моею головою не работала ни одна французская тварь, пишетъ онъ съ нервнымъ раздраженіемъ. Горжусь, что вокругъ меня не было не одного нѣмецкаго бродяги. Я не преклонялся ни передъ однимъ сапожникомъ французомъ и не принималъ отъ него наставленій, какъ презирать отца и мать, какъ ненавидѣть родину, какъ расточать состояніе отцовъ и дѣловъ». Признаемъ, что краски здѣсь сгущены, но во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы всѣ эти Вральманы, Трике, которые даже всѣ русскія пѣсни считали не приличными для дѣтей, могли внушать любовь и уваженіе къ родинѣ, тѣмъ болѣе что самая родная рѣчь считалась съ ихъ точки зрѣнія также не приличной для дѣтей.

Нельзя не признать вліянія на нашу интеллигенцію и нѣкоторыхъ изъ нашихъ ипородцевъ. Горя любовью ко всему своему родному, сплотясь въ союзы и когалы на почвѣ народности и въ тоже время видя безпочвенность нашей интеллигенціи и молодежи, они проповѣдуютъ во всеуслышаніе, что народность, патриотизмъ, потеряли свое значеніе, что умирать за честь и цѣлость родины не культурно и т. д. Для каждаго понятно, что эти инородцы хотятъ по-

править свои интересы на счет нашей слабости. Обстоятельства послѣдняго времени прекраснѣе подтверждаютъ нашу мысль.

Какое значеніе имѣло на разобщеніе нашего передового общества съ народомъ крѣпостное право, я, въ виду понятности этого факта, считаю лишнимъ говорить о немъ. Я здѣсь повторю лишь слова авторитетнаго, нынѣ здравствующаго, нашего историка профессора Ключевскаго: «крѣпостное право, составившееся изъ холопьевъ и крестьянской неволи, было самымъ ѣдкимъ элементомъ сословнаго взаимоотножденія».

Казалось-бы есть у насъ одна область, которая-бы способствовала или по крайней мѣрѣ ослабляла все увеличивающееся разединеніе между интеллигенціей и народомъ—это церковь, съ точки зрѣнія которой не можетъ быть никакого дѣленія и подраздѣленія людей на группы и классы. Но и церковь, проповѣдующая братство, на которую реформы Петра В. имѣли огромное вліяніе, въ этомъ отношеніи оказалась безсильной. Мы знаемъ, что со времени Петра В. въ область религіозной вѣры вкрался рационализмъ, который въ прямыхъ своихъ выгодахъ привелъ наше передовое общество къ нигилизму. Правда, счастливы мы тѣмъ, что онъ во всей своей полнотѣ невозможенъ, а лишь существуетъ въ теоріяхъ и философскихъ системахъ И. Базаровъ Тургенева, объявивши себя нигилистомъ, все-таки во имя идеи ходилъ на прудъ рѣзать лягушекъ. Этотъ нигилизмъ привелъ наше передовое общество къ индифферентизму въ области религіи. Относясь безразлично къ вѣрѣ нашъ передовой классъ, мнящій себя глубоко образованнымъ, съ высока смотрѣлъ на простой народъ, сохранившій живую, дѣятельную вѣру, видя въ немъ гнѣздилище невѣжества, суевѣрій и предрасудковъ. Конечно, народъ не могъ съ довѣріемъ и безразлично относиться къ тѣмъ людямъ, которые враждебно и презрительно относились ко всему тому, что онъ считалъ для себя святымъ и дорогимъ. Сколь далеко шло разобщеніе и не пониманіе между интеллигенціей и народомъ въ этой сферѣ жизни, объ этомъ говоритъ слѣдующій фактъ. Извѣстно, что въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ среди русской молодежи развилось стремленіе итти въ народъ для его просвѣщенія. Бѣдные знаніемъ, не имѣя за душею ничего истинно цѣннаго, что-бы они могли предложить народу, люди эти первую свою задачу видѣли въ искорененіи суевѣрія, подъ которымъ понимали религіозную вѣру вообще и ученіе церкви въ частности. Въ одной изъ поволжскихъ губерній, одна такая юная просвѣтительница, явившись въ деревню, стала пропагандировать среди крестьянъ невѣріе и насмѣхаться надъ священными предметами. Познакомившись съ духомъ ея проповѣди, крестьяне, собравшись на сходку подумали-погодили и постановили высѣчь ее за богохульство и кощунство

лозами и выпроводить из деревни. Полагаемъ, что фактъ этотъ, отмѣченный въ свое время печатью, не нуждается въ комментаріяхъ.

Вотъ въ краткихъ чертахъ смыслъ и причины того явленія, которое принято называть «разрывомъ» нашей интеллигенціи съ народомъ! Слѣдствія этого прискорбнаго явленія для нашей общей народной жизни очень велики. Оно прежде всего обусловливало темноту и невѣжество нашего простого народа, которыя и по сіе время даютъ о себѣ знать. Эта мысль вѣрно и прекрасно выражена графомъ Л. Н. Толстымъ въ слѣдующихъ словахъ его бесѣды съ г. Романовымъ— «мужика будетъ учить «интеллигентъ», тотъ интеллигентъ, у котораго вѣра съ безвѣріемъ, надежда съ отчаяніемъ, повиновеніе съ сопротивленіемъ чередуются попеременно. Что можетъ дать такой человѣкъ—учитель человѣку, знающему дѣйствительную жизнь, трудовую, а не безсодержательную, пустую, интеллигентную. Вѣдь всякій трудъ, трудъ упорный, необходимый для человѣческой жизни, которымъ живетъ мужикъ, заставляетъ человѣка вѣрить, надѣяться и повиноваться, повиноваться высшей силѣ, сотворившей человѣка, а кто вѣритъ, надѣется, повинуется—у того есть основаніе жизни и твердая почва подъ ногами. Интеллигенція же чувствуетъ подъ собою трясину, она не знаетъ, чѣмъ живетъ, не знаетъ къ чему стремится, у нея бѣдной нѣтъ идеала въ жизни, она слишкомъ легкомысленна и бездарна». А поэтъ этого интеллигента, гордаго своимъ сознаниемъ изобразилъ въ такихъ словахъ.

Ты сидишь съ простертыми руками,
Съ возвышеннымъ мечтаньемъ на челѣ
Съ блестящими и влажными глазами,
Уединенъ далеко на скалѣ:
Передъ тобой толпа стремится тѣсно—
Ты полонъ къ ней участія и любви,
Ты для людей придумалъ міръ чудесный,
Огонь мечты горитъ въ твоей крови...
О, нѣтъ, не такъ участіе прилично,
И правды нѣтъ въ волненьи думъ твоихъ:
Бѣды людей ты испытываешь лично,
И плачешь ты не съ ними, а объ нихъ!
Не понялъ ты великаго значенья
Въ одинъ потокъ соединенныхъ волнъ!
Могущества ихъ общаго стремленья,
Не понялъ ты, своей тоскою полнъ!
Оставь же свой отдѣльный міръ страданья.

Отсюда понятно для насъ, почему желаніе интеллигенціи—сблизиться съ народомъ, хожденіе ея въ народъ, даже заискиваніе, униженіе предъ народомъ, почти полустолѣтняя работа на пользу его

кончилась почти ничемъ. Русскій интеллигентъ, недовольный своимъ внутреннимъ міромъ и устремившійся искать для себя пищу въ народѣ, напоминаетъ мнѣ маленькій легендарный разсказъ. Богато одаренный, состоятельный молодой человекъ имѣлъ предметъ для своей любви въ образѣ молодой красивой дѣвицы. Но этотъ предметъ не могъ его удовлетворить и подъ вліяніемъ разочарованія онъ отправился скитаться по міру, желая отыскать болѣе возвышенный идеалъ для своей любви. Этотъ идеалъ онъ нашелъ въ образѣ одной женщины, подъ покрываломъ сокрытой отъ людей. И когда покрывала съ нея были сброшены, юноша нашелъ подъ ними ту-же самую женщину, которую онъ любилъ прежде. Наше передовое общество, лишенное всякихъ убѣжденій, томясь внутренней пустотой, когда устремилось въ народъ, думая что-то найти... здѣсь нашло самое себя свою пустоту. Но особенно рельефно отрицательная сторона явленія разрыва сказалась въ высшемъ классѣ нашего общества. Здѣсь прежде всего стоитъ обратить вниманіе на фактъ, отмѣченный современною печатью. Естественно въ трудное время, какое теперь переживаетъ наша родина, когда жизнь ставитъ трудныя широкія задачи, ожидать, что культурный классъ выдвинетъ изъ себя если не геніевъ, то во всякомъ случаѣ даровитыхъ людей, могущихъ вести жизнь впередъ. Но не то мы видимъ въ дѣйствительности. Тамъ, откуда можно было ожидать дарованій, царствуетъ почти полная бездарность. И едва-ли можно оспаривать, что одною изъ главныхъ причинъ этого явленія является тотъ фактъ, что нашъ высшій классъ не можетъ обновиться свѣжими стихійными силами своего народа. Оторвавшись отъ него и, слѣдовательно, лишившись возможности пользоваться тѣмъ богатствомъ, которое въ формѣ еще не сознанной и не проявленной, но могучей силы хранится въ нѣдрахъ его духа, наша интеллигенція выродилась, измельчала, сдѣлалась рѣшительно не способной на что-либо великое, крупное. Безъ идеаловъ, безъ вѣры, любви, а съ одними теоритическими умствованіями, лишенными всякой почвы, она не способна къ истинному творчеству. И всякія стремленія и потуги ея къ этому давали пустоцвѣтъ. Для уясненія нашей мысли вспомнимъ какое значеніе въ исторіи нашей культуры имѣли люди, вышедшіе изъ народа: сюда принадлежатъ Ломоносовъ въ области науки, Сперанскій въ области государственнаго дѣланія, Погодинъ, Соловьевъ въ области исторіи, Лобачевскій въ области математики, Надеждинъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ въ области литературной критики. Любопытно, что даже такая аристократическая область творчества, какъ литература и она въ числѣ своихъ пионеровъ указываетъ Гоголя по дѣду попovichа. Всѣ наши знаменитые представители литературы, какъ-то Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, здѣсь кстати вспомнить и Глинку только тогда стали проявлять всю силу своихъ дарованій, когда соприкасались съ

народной стихіей, когда, такъ сказать, окунались въ струяхъ народнаго духа. Тутъ приходятъ на память слова Тургенева, произнесенныя устами Лежнева, одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ «Рудинъ»: «Внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ фізіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица, только пошлое лицо возможно безъ фізіономіи. Космополитъ — чепуха, космополитизмъ — нуль, хуже нуля... Россія безъ каждаго изъ насъ оботись можетъ; но никто изъ насъ безъ нея не можетъ оботись. Горе тому, кто это думаетъ; двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится». Справедливость приведенныхъ словъ доказываетъ исторія. Такъ обращаетъ на себя вниманіе судьба извѣстнаго западника С. П. Боткина. Этотъ человѣкъ, когда-то считавшій «большимъ несчастьемъ», что родился въ Россіи, которая казалась ему странною, населенною «звѣроподобною пародіей на людей», въ своей погонѣ за европеизмомъ дошелъ до того, что жизнь — какъ выражается онъ въ письмѣ къ другу своему Огареву — казалась ему пустынью, полемъ, покрытымъ посохшей травой, надъ которымъ носится смерть, какъ самый отраднѣйшій другъ. «Страшно, Огаревъ, такое состояніе. Я томился, чувствуя на себѣ какія-то тяжкія и неумолимыя оковы: мнѣ было душно и въ душѣ никакихъ потребностей, никакой вѣры, никакой надежды». Та же исторія указываетъ и путь, съ помощью котораго люди, отрекшіеся отъ своей народности, выходили изъ этого страшнаго состоянія. Въ этомъ отношеніи поучителенъ примѣръ знаменитаго эмигранта А. И. Герцена. «Начавши съ крика радости при переѣздѣ за границу, — сознается онъ, — я окончилъ моимъ духовнымъ возвращеніемъ на родину. Вѣра въ Россію спасла меня на краю нравственной гибели... За эту вѣру въ нее, за это исцѣленіе — благодарю я мою родину. Увидимся-ли, нѣтъ-ли — но чувство любви къ ней проводитъ меня до могилы». Самъ Герценъ объясняетъ намъ, въ чемъ именно заключается тайна его духовнаго возрожденія, воспламенившая въ его холодномъ сердцѣ неугасаемый огонь любви къ родинѣ. Она по его словамъ, заключается въ «той внутренней, не вполне сознанный силѣ, которая чудесно сохранила русскій народъ подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкой бюрократіи, подъ восточнымъ татарскимъ кнутомъ и подъ западными капральскими палками», — въ той «внутренней силѣ, которая сохранила прекрасныя и открытыя черты и живой умъ нашего крестьянина подъ унижительнымъ гнетомъ крѣпостнаго состоянія, — которая на царскій призывъ образованія отвѣтила черезъ сто лѣтъ колоссальнымъ явленіемъ Пушкина, въ той, наконецъ, силѣ вѣры въ себя, которая живетъ въ нашей груди»... Другой нашъ знаменитый мыслитель называетъ эту силу духовнымъ закономъ проявившимся въ историческо-й жизни нашего народа. Для пріобщенія къ этой силѣ онъ требуетъ отъ интеллигенціи восстанов-

ленія порванной связи съ народомъ: принадлежать народу значить, по его словамъ, съ полною и разумною волею сознать и любить нравственный и духовный законъ, проявившійся въ его историческомъ развитіи. Именно законъ, а не форму его проявленія, ибо только законъ вѣченъ, а форма измѣнчива.

Но какъ слѣдуетъ это? Повидимому Герценъ справился съ этою задачею. Но въ исповѣди Герцена о любви его къ русскому народу слышится все-таки голосъ челоуѣка, гордаго своимъ европейскимъ образованіемъ. Этотъ челоуѣкъ смотритъ на русскій народъ, какъ на нѣкій матеріалъ, надъ которымъ нужно работать но не учиться. О духовномъ законѣ, о которомъ говорилъ Хомяковъ и который долженъ стать нормою какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ русскихъ людей здѣсь нѣтъ и помину. И это потому, что Герценъ былъ зараженъ нигилизмомъ въ области вѣры, который всегда составлялъ главную двигательную силу жизни русскаго на рода.

Гораздо правильнѣе и глубже подошелъ къ этому вопросу гр. Л. Н. Толстой въ романѣ «Анна Каренина», въ мастерскомъ анализѣ душевнаго строя одного изъ героевъ этого романа Левина. Ломая голову надъ разрѣшеніемъ высшихъ вопросовъ жизни, Левинъ испытывалъ «мучительный разладъ съ самимъ собою, и напрягалъ всѣ душевныя силы, чтобы выйдти изъ него. Терзавшія его мысли» томили и мучили его то слабѣе, то сильнѣе, но никогда не покидали его. Онъ читалъ и думалъ, и, чѣмъ больше онъ читалъ и думалъ, тѣмъ дальше чувствовалъ себя отъ преслѣдуемой цѣли. — Въ послѣднее время въ Москвѣ и въ деревнѣ, убѣдившись, что у матеріалистовъ онъ не найдетъ отвѣта, онъ перечиталъ и вновь прочелъ и Платона, и Спинозу, и Канта, и Шиллера, и Гегеля, и Шопенгаура, тѣхъ философовъ, которые не матеріалистически объясняли жизнь». Но ни эти, ни другія, прочитанныя имъ потомъ книги, не вывели его изъ томившаго его мучительнаго разлада, а, напротивъ, привели его въ полное отчаяніе: «Безъ знанія того, что я такое и зачѣмъ я здѣсь, говорилъ себѣ Левинъ, — нельзя жить. А знать я этого не могу, слѣдовательно, нельзя жить». Дальше этого итти некуда.

Когда, такимъ образомъ, Левинъ, подобно Герцену стоялъ «на краю нравственной гибели», спасителемъ его явился мужикъ Теодоръ, состоявшій у Левина подавальщикомъ при молотилкѣ. Теодоръ былъ изъ той деревни, въ которой Левинъ отдавалъ землю въ наймы дворнику Кириллову. Разговаривая съ Теодоромъ объ этой землѣ, Левинъ спросилъ, не возьметъ-ли землю на будущій годъ Платонъ, богатый и хорошій мужикъ той-же деревни. Цѣна дорога, Платону не выручить, Константинъ Дмитричъ, отвѣчалъ мужикъ, выбирая колосья изъ потной пазухи, — Дакъ какъ-же ее

Кирилловъ выручаетъ?—Митюхъ (такъ презрительно назвалъ мужикъ дворника), Константинъ Дмитричъ, какъ не выручить. Этотъ нажметъ, да свое выберетъ. Онъ христіанина не пожалѣетъ. А дядя Ооканычъ (такъ онъ звалъ старика Платона) развѣ станетъ драть шкуру съ человѣка. Гдѣ въ долгъ, гдѣ и спустить. Анъ и не доберетъ. Тоже человѣкъ онъ.—Да зачѣмъ-же онъ будетъ спускать?—Да такъ значить люди разные, одинъ человѣкъ только для нужды своей живетъ, хоть-бы Митюха, только брюхо набиваетъ, а Ооканычъ—правдивый старикъ. Онъ для души живетъ, Бога помнитъ.—Какъ для души живетъ, какъ Бога помнитъ, почти вскрикнулъ Левинъ.—Извѣстно какъ, по правдѣ, по-Божью. Вѣдь люди разные. Вотъ хоть васъ взять, тоже не обидите человѣка... При словахъ мужика о томъ, что Ооканычъ живетъ для души, по правдѣ, по-Божью, не ясныя, но значительныя мысли толпою какъ будто вырывались откуда-то изъ-заперти, и всѣ, стремясь къ одной цѣли, закружились въ его головѣ, ослѣпляя ее своимъ свѣтомъ.

Эти мысли, работая въ разѣ принятомъ направленіи, произвели въ Левинѣ своего рода чудо. Мысль Θεодора, что нужно жить по правдѣ, по-Божьему, не для брюха, а для души, произвела въ немъ цѣлый переворотъ. Онъ прежде всего увидѣлъ, что теперь, наконецъ, понялъ истинный смыслъ жизни и что до этого онъ дошелъ не разумомъ, а что истина эта дана ему готовою вмѣстѣ съ Θεодоромъ и съ цѣлыми милліонами другихъ людей. Теперь онъ понялъ и причину мучившаго его разлада. Причина эта заключалась въ противорѣчій между жизнію и мыслию: «онъ жилъ (не сознавая этого) тѣми духовными истинами, которыя онъ всосалъ съ молокомъ, а думалъ,—не только не признавая этихъ истинъ, но старательно обходя ихъ». Мысль, что нужно жить по правдѣ, по-Божью, и была та самая истина, которую онъ всосалъ съ молокомъ и которую мужикъ Θεодоръ ему только напомнилъ. Изъ другого источника онъ ее получить не могъ. «Откуда взялъ я это». Спрашивалъ себя Левинъ. «Разумомъ, что-ли дошелъ я до того, что надо любить ближняго и не душить его? Мнѣ сказали это въ дѣтствѣ и я радостно повѣрилъ, потому что мнѣ сказали то, что было у меня въ душѣ. А кто открылъ это? Не разумъ. Разумъ открылъ борьбу за существованіе и законъ, требующій того, чтобы душить всѣхъ, мѣшающихъ удовольствію моихъ желаній. Это выводъ разума. А любить другого не могъ открыть разумъ, потому что это неразумно. «Да, настаивалъ Левинъ, то, что я знаю, я знаю не разумомъ, а это дано мнѣ, открыто мнѣ, и я знаю это сердцемъ, вѣрую въ то главное, что исповѣдуетъ церковь». Этотъ выводъ своею неожиданностію поразилъ Левина. «Неужели это вѣра?» Подумалъ онъ, боясь вѣрить своему счастью. «Боже мой! благодарю Тебя», проговорилъ

онъ, проглатывая поднимавшіяся рыданія и вытирая обѣими руками слезы, которыми полны были его глаза».

Итакъ, оторванный отъ народа рачіонализмомъ, Левинъ возвратился къ нему вѣрою, и въ то же время освободился отъ того мучительнаго разлада, который, выражаясь языкомъ Герцена, поставилъ его «на край нравственной гибели».

Итакъ справедливы слова поэта, обращенныя къ русской интеллигенціи:

«Пойми себя въ народъ! Не сжимаетъ,

«Какъ океанъ, твоей свободы онъ:

«Тебѣ онъ только мѣсто назначаетъ.

«Ты общему въ немъ живо покорень.

«А безъ того—ты эгоистъ безъ силы,

«И жизнь твоя прекрасная пуста,

«Страданья вялы и оружья гнилы,

«Порывъ бесплоденъ и ложна мечта.

«Съ народомъ лишь взойдетъ свобода зрѣло,

«Могуществовъ народа только кликъ,

«Принадлежитъ народу только дѣло,

«И путь его державень и великъ!

П. И. Ракитинъ.

Размышленія христіанина по поводу евангельскаго чтенія въ недѣлю апостола *Θомы*.

Въ недѣлю о *Θомѣ* наша Св. Церковь ежегодно воспоминаетъ о томъ, какъ Воскресшій Господь, не желая оставить безъ утѣшенія ни одной души скорбящей, снова является апостоламъ въ присутствіи *Θомы*, чтобы и его увѣрить въ своемъ воскресеніи и какъ это явленіе Господа и Его особенное попеченіе о вразумленіи невѣрующаго столько поразили *Θому*, что онъ въ сильномъ восторгѣ душевномъ и съ глубокою благодарностью къ Господу, кратко и сильно исповѣдуетъ свою вѣру: «Господь мой и Богъ мой» (Іоан. 20, 28). Это исповѣданіе *Θомы* поучительно и для всего міра и для всѣхъ насъ: оно есть торжественное исповѣданіе божественности всего ученія христіанскаго, истинности всей вѣры нашей.

Явленіе это внушаетъ намъ охранять себя отъ духа дерзновенной пытливости въ предметахъ вѣры. Вѣра въ томъ собственно и состоитъ, чтобы принимать невидимое, какъ видимое, желанное и ожидаемое, какъ настоящее. (Евр. 1, 11). И для современныхъ людей это событіе изъ жизни нашего Господа также не менѣе поучительно. Не будемъ смущаться невѣріемъ, окружающимъ насъ и захватывающимъ разные слои русскаго современнаго общества: невѣ-

рующіе всегда были и всегда будутъ. Посѣщающимъ храмъ Божій и слушающимъ предлагаемыя Церковію чтенія изъ священныхъ книгъ Вѣтхаго Завѣта извѣстно, что и тогда были невѣрующіе, но объ нихъ боговдохновенный Псалмопѣвецъ только кратко замѣтилъ, что они безумные люди: «рече безуменъ въ сердцѣ своемъ, нѣсть Богъ». Этимъ краткимъ замѣчаніемъ Св. Псалмопѣвецъ хотѣлъ показать, что такихъ людей не нужно убѣждать, что съ ними не должно вступать въ словопренія, а что они достойны нашего сожалѣнія, какъ люди утратившіе свой разумъ. Изъ исторіи Господа нашего Иисуса Христа мы еще лучше знаемъ, сколько невѣрующихъ людей Онъ встрѣчалъ среди своихъ современниковъ. И что для насъ особенно умилительно: окруженный еврейскими невѣрующими книжниками и фарисеями, которые наконецъ, предали Его на распятіе и уже умершаго не оставляли въ покоѣ, Онъ находилъ глубокую вѣру среди простодушныхъ язычниковъ, изъ которыхъ объ одномъ сказалъ, что и во Израили не нашелъ такой вѣры. Вспомнимъ увѣровавшаго сотника, жену хананеянку, а также многочисленныхъ простодушныхъ хромыхъ, слѣпыхъ, прокаженныхъ, которые съ вѣрою приходили къ Иисусу Христу, находили исцѣленія и уходили отъ Него оправданными. Затѣмъ, сколько такихъ фактовъ было во всей исторіи Христіанской Церкви даже до нашихъ дней: въ числѣ увѣровавшихъ были цари, ученые, богатые, взрослые и юноши обоого пола, изъ которыхъ постепенно составила наша христіанская Церковь, считающая въ своемъ лонѣ 106,410,099 человекъ (я считаю всѣхъ христіанъ: православныхъ, католиковъ протестантовъ). Всѣ они увѣровали, не видя своими глазами Господа. По обѣтованію Божію число вѣрующихъ продолжаетъ расти и множиться и въ наши дни во всѣхъ концахъ вселенной и мы радуемся и время отъ времени жертвуемъ на поддержаніе нашихъ миссій, на потребности которыхъ европейскіе народы, особенно англичане, расходуютъ большіе милліоны; но вмѣстѣ съ этимъ мы должны особенно скорбѣть, что изъ среды уже увѣровавшихъ и считавшихся долгое время христіанами многіе наши соотечественники склоняются къ невѣрію и не хотятъ образумиться. Вѣдь не даромъ наша Св. Церковь ежегодно воспоминаетъ о томъ, какъ св. апостоль Ѳома усумнился и увѣровалъ. Этимъ воспоминаніемъ наша Церковь, какъ мать заботливая о своихъ чадахъ, укрѣпляетъ наше малодушіе и колебаніе въ вѣрѣ, столь свойственное нашей природѣ. Жаль только, что въ наши печальные дни исконныя дѣти кореннаго русскаго народа впадаютъ въ опасное сомнѣніе и легкомысленно сторонятся своей общей матери-Церкви и коснѣютъ въ своемъ невѣріи. Грустно подумать, что многіе изъ нихъ, какъ осужденные Псалмопѣвцемъ безумцы, говорятъ легкомысленно не только въ сердцѣ своемъ, но и устами «нѣсть Богъ». Это замѣчается въ послѣднее время не только

среди рабочихъ классовъ, заражающихся невѣріемъ одинъ отъ другого, но и среди близкихъ намъ слугъ, часть еще несовершеннолѣтнихъ. Изъ городскихъ центровъ, гдѣ столь много соблазновъ всякаго рода, холодность къ вѣрѣ проникаетъ въ наши даревни и тамъ обнаруживается или въ формѣ сектантскихъ ученій, или въ формѣ безумнаго невѣрія. Я думаю, что многіе убѣждались въ этомъ своимъ личнымъ наблюденіемъ. Что же намъ дѣлать? Будемъ тщательно охранять себя отъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ соблазновъ и укрѣплять свою вѣру не только въ собственныхъ своихъ сердцахъ, но и въ душахъ нашихъ собратій, особенно же младшихъ по возрасту и по развитію. Ихъ вмѣстѣ съ собственными дѣтьми нашими необходимо при всякомъ удобномъ случаѣ предостерегать отъ соблазна невѣрія и поучать въ духѣ православной церкви. Устыдимся своей безпечности и поучимся отъ окружающихъ насъ не только инославныхъ собратій—католиковъ и протестантовъ, но и иновѣрныхъ мусульманъ. Посмотримъ и вдумаемся, какъ они чтутъ завѣты своей вѣры, съ какимъ усердіемъ и благоговѣніемъ они посѣщаютъ свои храмы и какъ осторожны въ соприкосновеніи съ невѣрующими. И среди нихъ были и есть колеблюшіеся въ вѣрѣ и явно невѣрующіе, но такой распущенности въ нравахъ и грубой кощунственной дерзости по отношенію къ церковнымъ обрядамъ и вѣрованіямъ среди нихъ не замѣчается. Развѣ возможно представить себѣ, чтобы католикъ или протестантъ явились для совершенія таинства крещенія пьяными и вступали бы съ своимъ ксензомъ или пасторомъ въ наглыя пререканія? А у насъ это бываетъ. Развѣ возможно, чтобы полякъ или нѣмецъ на вопросъ своихъ духовныхъ отцовъ: «поклоняешься ли Отцу и Сыну и Святому Духу», кощунственно съ насмѣшкой на устахъ отвѣтилъ бы: «поклоняюсь на всякій случай» или: развѣ мыслимо, чтобы католикъ или протестантъ на вопросъ: какое имя желаютъ они дать новорожденному? съ усмѣшкой отвѣтилъ-бы: «Пелеканъ» или чтонибудь въ этомъ родѣ? Но что много говорить. Необходимо задуматься надъ такими фактами и не только поскорбѣть въ своемъ сердцѣ, но и посодѣйствовать вразумленію этихъ несчастныхъ нашихъ братьевъ, которые дѣйствительно обезумѣли, отставши отъ родной русской семьи и отъ Православной Русской Церкви.

Приходскій Священникъ.

1908 года апрѣля 20 дня.

Гор. Ташкентъ.

О пастырскихъ собраніяхъ.

Въ 12 № Вѣстникѣ Военнаго Духовенства за текущей годъ помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ «Пастырская забота». Авторъ этой замѣтки настойчиво рекомендуетъ военному духовенству отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ симпатичному нововведенію, иниціаторомъ коего является о. Протопресвитеръ, — «братскимъ собраніямъ» военнаго духовенства для рѣшенія неотложныхъ вопросовъ пастырской практики. Авторъ утверждаетъ даже, что нововведеніе это привилось среди военнаго духовенства и ждетъ отъ него добрыхъ плодовъ для самого-же духовенства, въ виду массы новыхъ и духовенству совершенно незнакомыхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ своеобразными условиями современной жизни.

«Въ послѣднее время, пишетъ онъ, когда печальной памяти «освободительное движеніе» породило среди русскаго люда разладицу и смуту, когда революціонная агитація съ разрушительными ея стремленіями продолжаетъ вносить растлѣніе въ незрѣлые умы дѣтей и юношей, вытравляя всѣ религіозныя вѣрованія, нужда въ братскихъ собраніяхъ стала чувствоваться еще ошутительнѣе. Сознавая необходимость въ особой бдительности относительно духовныхъ интересовъ и запросовъ своей паствы, пастыри церкви должны стоять теперь на стражѣ и во всеоружіи для борьбы за вѣру противъ невѣрія. Это ихъ существенный долгъ и требованіе времени. Ни для кого, конечно, не секретъ, что въ настоящее время даже среди горячо вѣрующаго и преданнаго всей душой церкви народа стали замѣчаться новыя теченія. Православная паства начала съ большою требовательностью и чуткостью относиться къ духовенству, стараясь учитывать продуктивность его дѣятельности, стремясь видѣть въ немъ носителей высшей правды и чистоты жизни. Расположеніемъ ея въ наше время пользуются не строгіе блюстители богослужебнаго устава, не аккуратные требоисправители, а проводники нравственныхъ идей, талантливые проповѣдники.

Само собою разумѣется, что такихъ возрѣвнѣвшихъ вѣрующихъ душъ православное пастырство не можетъ игнорировать. Оно должно внести новую струю въ жизнь своей паствы, поднять и оживить ея духовные запросы, исправить и усовершенствовать темныя стороны ея жизни. На братскихъ собраніяхъ должны быть поставлены теперь вопросы, носящіе не столько уставно-обрядовый, сколько идейно-практической характеръ. Ревнителю вѣры и церкви ждутъ весьма многого отъ духовенства въ смыслѣ оживленія его дѣятельности, подъема его пастырской энергіи. Интересъ, съ которымъ относится духовенство къ своимъ братскимъ собраніямъ, служить лучшей порукой тому, что сѣмя, брошенное здѣсь, падеть на добрую землю и принесетъ обильный плодъ».

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора приведенной замѣтки. Надо думать, что условія современной жизни предъявляютъ несравненно больше требованій къ епархіальнымъ приходскимъ пастырямъ, нежели къ военному духовенству... Паства послѣдняго дисциплинирована, бдительно охраняется отъ тлетворнаго вліянія освободителей не однимъ духовенствомъ, но и своимъ военнымъ начальствомъ и воспитывается въ преданности Государю и родинѣ. Несравненно меньше поводовъ къ соблазну и уклоненію въ сторону освободительнаго движенія у военныхъ, чѣмъ у свободныхъ сельскихъ и городскихъ обывателей, среди которыхъ совершенно свободно и безнаказанно сѣются теперь сѣмена невѣрія и нравственнаго растлѣнія. Авторитетъ приходскаго духовенства подорванъ и палъ настолько, что и талантливые проповѣдники, на которыхъ столько надежды возлагаетъ въ военномъ вѣстникѣ авторъ приведенной замѣтки, не всегда и не вездѣ пользуются успѣхомъ въ проведеніи въ народную жизнь евангельскихъ идеаловъ правды и добра. Былое довѣрчивое отношеніе къ пастырю, ведущему, по образу Евангельскаго пастыря, за собою свое покорное словесное стадо, отходить въ область пріятныхъ воспоминаній и замѣнено теперь крайне подозрительнымъ и недовѣрчивымъ отношеніемъ паствы къ своему пастырю, какъ къ наемнику. Какъ рѣдкое исключеніе теперь можно найти священника, рѣшающагося, основываясь на довѣрїи къ себѣ прихожанъ, выступить на борьбу съ развращающимъ вліяніемъ социализма и пользующагося дѣйствительнымъ успѣхомъ въ подобныхъ выступленияхъ. И чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ богаче становится жизнь приходскаго духовенства событіями взаимнаго недоброжелательства, раздраженія и озлобленія. Въ настоящее время вполне возможны и не вызываютъ даже особаго удивленія случаи публичнаго грубаго оскорбленія духовенства со стороны отдѣльныхъ прихожанъ, и между тѣмъ, даже такіе, да позволено будетъ выразиться, шкурные вопросы безсильны пробудить духовенство отъ его вѣкового равнодушія и безпечности. Борьба съ проявленіями все возрастающаго антагонизма между пастырями и пасомыми требуетъ отъ духовенства громаднаго напряженія его духовныхъ силъ въ цѣляхъ непремѣннаго возстановленія утеряннаго довѣрія и доброжелательныхъ взаимныхъ отношеній. По этому пути должны быть теперь направлены всѣ усилія духовенства, если оно не хочетъ довести дѣло до окончательнаго разрыва съ своей паствой или по меньшей мѣрѣ, до искательства пасомыми наставленій не у пастырей, а у самозванныхъ учителей, враждебныхъ пастырству.

Отчетливо представляя себѣ, что всѣ ненормальности приходской жизни, неблагопріятно отзывающіяся на взаимныхъ отношеніяхъ пастырей и пасомыхъ, часто обусловливаются недостаткомъ житейской опытности самихъ пастырей, преосвященный Димитрій

неоднократно призывалъ духовенство г. Вѣрнаго на пастырскія собранія, въ видахъ разрѣшенія особенно большихъ вопросовъ современной пастырской практики, вопросовъ, неудовлетворительное разрѣшеніе коихъ вызываетъ подчасъ озлобленіе пасомыхъ противъ пастырей. Рѣшался на этихъ пастырскихъ собраніяхъ острый у насъ въ виду переселенческаго движенія вопросъ о соблюденіи причтами предбрачныхъ предосторожностей и рѣшенъ былъ въ смыслѣ возможнаго облегченія брачующимся предбрачныхъ формальностей; выдвигался вопросъ о мѣрахъ неотложной борьбы съ проникающими въ народъ невѣріемъ и нравственнымъ развращеніемъ путемъ веденія собесѣдованій съ народомъ въ епархіальномъ народномъ домѣ, но, видимо, духовенство мало чувствуетъ расположенія къ выработкѣ мѣръ поднятія своего собственнаго авторитета среди паствы, становящейся въ оппозицію нерѣдко самымъ благимъ намѣреніямъ духовенства. Приступить къ обсужденію вопросовъ послѣдняго характера на пастырскихъ собраніяхъ не удавалось, такъ какъ каждый разъ наблюдалось замѣтное уклоненіе отъ такого направленія бесѣдъ со стороны участниковъ собраній, склонныхъ, повидимому, снисходительно оправдывать частыя ненормальности въ отношеніяхъ къ пасомымъ грубостью этихъ послѣднихъ.

Не одинъ г. Вѣрный могъ-бы обсуждать эти вопросы; есть и другіе пункты въ нашей епархіи—Ташкентъ, Асхабадъ, гдѣ обсужденіе наболѣвшихъ вопросовъ пастырской практики возможно и было-бы весьма желательно. Вѣдь настроеніе въ приходахъ тревожное, отношеніе пасомыхъ къ каждому поступку пастыря только критическое, стороннее, не церковное давленіе на паству сильное и позаботиться объ устраненіи причинъ къ возникновенію недоразумѣній—священная и насущнѣйшая обязанность пастырей, уклоненіе отъ добросовѣстнаго разрѣшенія коей грозитъ духовенству неисчислимыми бѣдствиями даже не въ особенно отдаленномъ будущемъ.

Свящ. В. Антоновъ.

Епархіальная и общая хроника.

☪ **Торжество въ Больше-Алматинской станицѣ.** 26 Іюня, въ день прославленія чудотворнаго образа Божіей матери Тихвинскія-Слезоточивыя, въ Больше-Алматинскомъ станичномъ храмѣ богослуженіе совершалось соборно, съ участіемъ Мало-Алматинскаго и приютскаго причтовъ. Икона Тихвинской Божіей Матери прислана въ даръ Семирѣченскому казачьему войску и всему населенію области отъ насельниковъ Св. Горы Афонскія съ трогательной надписью, въ которой насельники Афонскіе поручаютъ жителей далекой русской окраины всегдашнему заступленію Божіей Матери. Присланная насельниками Афона, Св. Икона была встрѣчена въ сел. Казанско-Богородскомъ и съ крестнымъ ходомъ перенесена въ г. Вѣрный. Болѣе 10,000 народа встрѣчало и провожало дивный образъ Бого-

матери и съ той поры установилось ежегодное празднованіе въ честь Св. Иконы въ Больше-Алматинской станичной церкви, куда, какъ въ главный храмъ Семирѣченскаго казачьяго войска, Икона была поставлена. Ежегодно, 26 Іюня въ Больше-Алматинскій храмъ собирается множество народа, кромѣ жителей гор. Вѣрнаго, населеніе ближайшихъ къ городу станицъ и селеній. Послѣ богослуженія, по установившемуся обычаю, совершенъ былъ крестный ходъ со Св. Иконою вокругъ станицы, съ совершеніемъ молебнаго пѣнія въ 4 углахъ станицы. Народа было около 2-хъ тысячъ.

☞ **Постановленіе Воронежскаго съѣзда духовенства.** Изъ Воронежа сообщаютъ, „что съѣздъ духовенства призналъ необходимымъ преобразованіе неофициальной части „Епархіальныхъ Вѣдомостей. Требуя отъ духовенства громадныхъ суммъ „Вѣдомости“, по мнѣнію съѣзда, заполняются ненужнымъ и неинтереснымъ матеріаломъ. Подавляющимъ большинствомъ, съѣздъ призналъ желательнымъ преобразованіе Вѣдомостей въ настоящій органъ нуждъ и запросовъ духовенства, а также необходимое оживленіе журнала и установленіе выборной отъ духовенства редакціи“.

Пожеланіе, вполнѣ приложимое и къ нашимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ. Прискорбно, что Епархіальный органъ и у насъ не всегда является выразителемъ епархіальныхъ нуждъ. Какъ-то болѣе чѣмъ равнодушно отнеслось духовенство къ задачѣ органа быть отраженіемъ построенія и нуждъ своей епархіи. Даже пастыри съ восторгомъ привѣтствовавшіе народженіе Епархіальнаго органа слишкомъ скоро охладѣли въ своихъ добрыхъ порывахъ и въ настоящее, на примѣръ, время не желаютъ быть вѣрными своему обѣщанію и прямой обязанности—сотрудничать въ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ. А какъ хотѣлось бы на страницахъ вѣдомостей находить откровенное выраженіе думъ и пожеланій всего духовенства епархіи, а не взгляды нѣсколькихъ лицъ, въ силу необходимости вынужденныхъ заполнять страницы перепечатками изъ другихъ органовъ или вымученными статьями опредѣленнаго направленія. Ред.

☞ **Кіевъ. Миссіонерскій съѣздъ.** 12 іюля въ Кіевѣ состоится открытіе всероссійскаго миссіонернаго съѣзда, который продолжится по 26 іюля.

Почетнымъ предсѣдателемъ съѣзда назначенъ высокопреосвященный Флавіанъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, а замѣстителемъ его высокопреосвященный Антоній, архіепископъ Волынскій и Житомирскій.

Съѣздъ будетъ открытъ высокопреосвященнымъ Антоніемъ, митрополитомъ Петербургскимъ и Ладожскимъ, въ присутствіи высокопреосвященнаго Владиміра митрополита Московскаго и Коломенскаго, имѣющаго выѣхать изъ Москвы 9 іюля, другихъ іерарховъ русской церкви и выдающихся миссіонеровъ, а также обер-прокурора синода П. П. Извольскаго.

Теперь уже образована подготовительная къ съѣзду комиссія подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Иннокентія, епископа Каневскаго.

Съѣзду будетъ предшествовать рѣдкое церковное торжество: празднованіе 800-лѣтія существованія древней обители Михайловскаго Златоверхаго монастыря и положенія въ его соборномъ храмѣ мощей св. великомученицы Варвары. Торжество будетъ двухдневное, 10 и 11-го іюля, при участіи въ немъ митрополитовъ: Петербургскаго—Антонія, Московскаго—Владиміра и Кіевскаго Флавіана.

Михайловскій монастырь принадлежитъ къ древнѣйшимъ обителямъ въ Кіевѣ. Соборный храмъ его заложенъ былъ 11-го іюля 1108 года великимъ княземъ Святополкомъ (Михаиломъ), сыномъ великаго князя Изислава Ярославовича, воимя св. архистратига Михаила, и на храмъ поставленъ золоченый куполь, откуда и произошло названіе „Златоверхій“. (Рус. З.).

☞ **Къ болѣзни о. Іоанна Кронштадскаго.** Болѣзнь прот. Іоанна Ильича Сергіева вызвала волненіе среди нищихъ, жувущихъ иждивеніемъ отъ Іоанна.

Вчера и сегодня у Іоанновскаго монастыря на Карповкѣ перебывало много бѣдныхъ и поклонниковъ Кронштадскаго протоіерея, справляясь въ монастырской конторѣ о ходѣ болѣзни отъ Іоанна. Завтра во всѣхъ монастыряхъ и подворьяхъ, основанныхъ кронштадтскимъ протоіереемъ, по почину нищихъ и поклонниковъ, будутъ совершены молебны о здравіи священнослужителя.

Особой торжественностью молебеніе будетъ обставлено въ Андреевскомъ соборѣ въ Кронштадтѣ, куда еще со вчерашняго дня выѣхала масса іоанитовъ; какъ передаютъ, многіе изъ нихъ отправились уже въ имѣніе Валуево, Ярославской губ., къ заболѣвшему пастырю. (Вечеръ).

Вблизи Волги въ уединенной, тихой обители Ярославской губерніи угасаетъ жизнь о. Іоанна Кронштадскаго. Вчера я видѣлъ телеграмму, полученную однимъ лицомъ отъ уважаемаго пастыря. „Силы мои слабѣютъ“... такъ сообщаетъ о себѣ отецъ Іоаннъ. Эта телеграмма подтверждаетъ газетныя извѣстія о наступившемъ ухудшеніи въ состояніи здоровья престарѣлаго пастыря, имя котораго пользуется такой рѣдкой популярностью во всѣхъ уголкахъ нашей великой Россіи.

Здоровье отца Іоанна пошатнулось еще минувшей зимой. Быть можетъ, не столько годы, не полная подвижничества, свѣтлая жизнь надпомила силы замѣчательнаго и драгоцѣннаго для родины человѣка, какъ жало той черной клеветы, которой брызгала беззащитная революціонная печать на имя пастыря.

Высоко чтимый народомъ, являвшійся въ глазахъ многомиліонной толпы идеаломъ священника, окруженный чудесными легендами, народной любовью, отецъ Іоаннъ былъ для современнаго синедрона, для дѣятелей революціи, тѣмъ могучимъ противникомъ, котораго надо было сломить во что бы то ни стало.

И всякій можетъ припомнить, какія усилія прилагали наши „красные“, чтобы уничтожить ореолъ пастыря, какой грязный походъ предпринять былъ во всякихъ листкахъ, чтобы очернить жизнь и дѣятельность о. Іоанна, сплести свѣтлое имя пастыря съ оравой темныхъ, заблудшихъ и нечистыхъ дѣятелей, нагло эксплуатировавшихъ смиреніе и кротость замѣчательнаго священника нашей эпохи.

Искренно пожелаютъ милліоны православныхъ болѣющему пастырю исцѣленія. О. Іоаннъ безконечно нуженъ Россіи. Это—тотъ оплотъ былого великаго русскаго духа, которымъ крѣпла Русь.

Пожелаемъ и мы выздоровленія любимому пастырю. Немощность плоти да побѣдитъ сила духа о. Іоанна! „Молюсь о тебѣ“... телеграфируетъ больной пастырь, Молитвы всѣхъ православныхъ возносятся теперь за тебя, кроткій, свѣтлый служитель Церкви Христовой! (Петербург. В.).

☞ **Къ убійству Экзарха Грузинъ. Въ Тифлисѣ** арестовано 6 священниковъ и нѣсколько дьяконовъ. У нихъ найдено около 6000 прокламаций, призывающихъ въ бойкоту экзарха. Аресты ставятся въ связь съ убійствомъ экзарха Грузинъ.

☞ **Тамбовскій край сообщаетъ.** „Въ Тифлисѣ преосвященный Никонъ назначенъ 9 іюня 1906 г., въ разгаръ кавказской междуусобицы, вызванной, между прочимъ, гоненіемъ всего русскаго, всего православнаго... Высокопреосвященный видѣлъ и зналъ, съ какими тяжкими трудностями, съ какой опасностью сопряжено его новое назначеніе, но охотно пошелъ туда, откуда многіе его предшественники вынуждались уходить...“

— „Иду на вѣрную смерть, — пророчески сказалъ владыка Никонъ, при прощаніи съ своимъ братомъ, священникомъ Крестовоздвиженской церкви гор. Саратова о. Іосифомъ Софійскимъ. — Ты мнѣ ничего не пиши и я тебѣ не буду писать; все равно будутъ вскрывать письма, значить ни о чемъ нельзя говорить по душѣ... Прощай!“..

Въ думской комисіи по дѣламъ православной церкви. Сегодня засѣдала въ послѣдній разъ комисія по дѣламъ православной церкви. Комиссія выслушала и приняла докладъ свящ. Титова о снятіи ограниченій съ монаховъ и духовныхъ лицъ, сложившихъ съ себя санъ или лишенныхъ сана. Представитель министерства внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что министерство противъ расширенія проекта не будетъ. Министерство предложитъ бороться съ рѣшеніями думской комисіи Синоду, если послѣдній сочтетъ это нужнымъ. (Рус. Сл.).

Значеніе церковнаго пѣнія въ дѣлѣ обновленія церковно-приходской жизни. Въ настоящее время злобою дня является вопросъ объ обновленіи формъ церковно-приходской жизни. Не только духовная, но и свѣтская печать, чуть-ли не ежедневно, рассматриваетъ и освѣщаетъ этотъ вопросъ съ различныхъ сторонъ. Создано множество различныхъ проектовъ, удобно и неудобно приемлемыхъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, свѣтская печать освѣщаетъ вопросъ съ внѣшней показанной стороны. Привлеченіе мірянъ—членовъ церкви къ болѣе дѣятельной церковной жизни, не въ смыслѣ точнаго исполненія уставныхъ требованій (правилъ православной Церкви, а въ смыслѣ лучшаго устроенія церковно-хозяйственныхъ дѣлъ,—вотъ девизъ вождельній представителей свѣтской печати. Создатели проектовъ имѣютъ цѣлю создать единеніе между пастыремъ и пасомыми должно быть не только внѣшнее, выражающееся въ одной внѣшней созидательной работѣ, напр., въ совмѣстномъ веденіи церковнаго хозяйства, но и внутреннее, выражающееся въ общности и единствѣ мыслей и высшихъ христіанскихъ чувствованій, въ общей и совмѣстной работѣ по усовершенствованію „внутренняго“ челоука, иначе сказать, по преобразованію своего „я“ по завѣту Христа.

Духовная періодическая печать рассматриваетъ и освѣщаетъ вопросъ шире, лубже и, конечно, правильнѣе. Создатели проектовъ предлагаютъ множество самыхъ разнородныхъ мѣръ и средствъ къ обновленію церковно-приходской жизни обсужденіе значенія которыхъ и самый даже перечень не входитъ въ нашу скромную задачу. Мы желаемъ обратить благосклонное вниманіе нашихъ соработниковъ на нивѣ Христовой—о. о. пастырей на высокое, глубокое и ни съ чѣмъ другимъ несравнимое значеніе одной изъ предлагаемыхъ мѣръ въ дѣлѣ обновленія церковно-приходской жизни, именно на значеніе церковнаго пѣнія, которому болѣе чѣмъ скромное мѣсто удѣляется въ создаваемыхъ проектахъ.

Вопросъ о правильной постановкѣ церковнаго пѣнія вообще заслуживаетъ гораздо болѣе вниманія, чѣмъ какое доселѣ ему оказывается. Никто не можетъ отрицать той истины, что религіозное пѣніе вообще имѣетъ могущественное вліяніе на душу челоука. Религіозная жизнь всѣхъ народовъ—лучшій показатель этой неоспоримой истины. Сектантскія общины, при всей своей внутренней безсодержательности, неупорядоченности своего строя, чѣмъ болѣе всего привлекаютъ вниманіе простаго народа, если не постановкою своего религіознаго пѣнія, дѣйствующаго экзальтически возбуждающе на душу фанатиковъ-адептовъ? Прекрасное, истово-церковное пѣніе умиляетъ душу, возвышаетъ и какъ бы окрыляетъ ее, поднимаетъ отъ земли къ небу, приближая къ Божеству, возбуждаетъ такія высокія чувствованія, какія не въ силахъ возбудить никакое вдохновенное слово, влечетъ къ свѣту, правдѣ и добру, умиротворяетъ и успокаиваетъ душу челоука дѣйствуя во всѣхъ отношеніяхъ благотворно. Таково вліяніе на душу челоука гармонично-задушевнаго церковнаго пѣнія. Таково назначеніе церковнаго пѣнія по самому существу его въ идеѣ. Оно должно быть высшимъ выраженіемъ религіозной настроенности молящихся. Оно—самая поэзія въ словахъ и звукахъ. По смыслу православнаго богослуженія, славить Бога призваны всѣ присутствующіи въ храмѣ вѣрующіе, которые должны возсылать хвалу и благодареніе Создателе всѣхъ *едиными устами и единымъ сердцемъ*; но опытъ убѣждаетъ, что общее пѣніе, конечно, надлежащимъ образомъ постановленное, есть дѣло довольно труд-

ное, хотя и не возможное. Въ дѣлѣ введенія въ церквахъ общенароднаго пѣнія немаловажную роль должна сыграть наша церковно-приходская школа, которая съ теченіемъ времени должна приготовить достаточный контингентъ хорошо усвоившихъ напѣвы общеупотребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній. Тогда смѣло можно надѣяться, что подъ сводами нашихъ храмовъ раздастся величественное и стройное пѣніе всей церкви.

Допустимъ, что въ недалекомъ будущемъ будетъ введено въ церквахъ общенародное церковное пѣніе; но и тогда останется много такихъ пѣснопѣній, надлежащее выполненіе которыхъ не по силамъ не только общему собранію молящихся, но и рядовымъ клирикамъ въ большинствѣ плохо знающимъ высоко художественные и умильные церковные напѣвы, особенно древніе, напр., знаменнаго распѣва. Одногласное пѣніе у насъ въ упадкѣ. Древнихъ напѣвовъ, способныхъ вызвать въ сердцахъ вѣрующихъ искреннее религиозное расположеніе, совсѣмъ не услышишь теперь въ нашихъ церквахъ.

Напрасно высшая церковная власть заботится разсылкою по приходамъ сборниковъ разныхъ церковно-пѣвческихъ книгъ: онѣ обречены одной участи—лежанію на полкахъ книжныхъ шкаповъ со всѣми послѣдствіями предметовъ, сданныхъ въ архивъ... Нѣтъ мастеровъ пѣнія... Старики-дьячки унесутъ съ собою въ могилу и послѣдніе остатки традиціонныхъ старинныхъ, умильныхъ церковныхъ напѣвовъ. Всѣ напѣвы сведены къ простотѣ, чуть ли не однообразію. Въ исполненіи пѣснопѣній замѣтны бездушіе,—какая-то формальность. Нѣтъ жизни. Все высшее, божественное приносится въ жертву низшему, грубому, матеріальному. Возбуждать религиозный, молитвенный духъ, возбуждать въ сердцахъ вѣрующихъ возвышенныя чувствованія, отвлекающія отъ земли и поднимающія къ небу, можетъ только тотъ, кто самъ проникнутъ чувствованіями, кто понимаетъ душу пѣнія, а не простой ремесленникъ—пѣвѣцъ, отдѣлывающійся какъ-нибудь отъ навязаннаго ему дѣла, чтобы поскорѣе только заполучить ожидаемый, хотя и скудный, гонораръ. Но какъ бы хорошо ни было поставлено одногласное пѣніе, какъ бы исполнителями ни были искусными мастерами, все же одногласное пѣніе не въ силахъ удовлетворить запросамъ и требованіямъ хотя бы нашихъ сельскихъ протестовъ прихожанъ. Противъ этого трудно возражать. Все на своемъ мѣстѣ хорошо, одно другому не мѣшаетъ. Одногласное клиросное пѣніе должно чередоваться съ общенароднымъ и хоровымъ—наиболѣе совершеннымъ, художественнымъ. Послѣднему надлежитъ удѣлить наиболѣе вниманія: того требуетъ самый ходъ церковной жизни, запросы и вкусъ нашихъ избалованныхъ уже прихожанъ. Является, поэтому, неотложная нужда въ организациі правильныхъ церковныхъ хоровъ, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ наши сельскіе церковно-приходскіе хоры далеко не отвѣчаютъ своему назначенію. Тѣ, на комъ нынѣ лежитъ обязанность руководить церковными хорами, по своему зачастую невѣжеству въ принятомъ на себя дѣлѣ, равнодушію и апатіи, стоятъ далеко не на высотѣ своего призванія. Для своего обновленія церковь нуждается въ искусныхъ, художественно-эстетически понимающихъ свое дѣло, руководителей церковныхъ хоровъ—регентахъ. Плохой постановкой церковнаго пѣнія вообще многіе объясняютъ даже религиозное невѣжество нашего простого народа. Пора двинуть наше церковное пѣніе болѣе смѣло, болѣе энергично: въ немъ великая воспитательная сила.

Вездѣ теперь въ православныхъ странахъ Востока вопросъ о правильной постановкѣ церковнаго пѣнія вообще возбуждаетъ живой интересъ въ христіанскомъ обществѣ, которое желаетъ возстановить оригинальные древніе церковные напѣвы и улучшить хоровое многоголосное пѣніе. Дѣло подготовки специальныхъ регентовъ-руководителей церковныхъ хоровъ, долженствующихъ знать въ совершенствѣ церковное пѣніе, поручается тамъ знатокамъ-специалистамъ своего дѣла. И у насъ въ Россіи должны быть учреждаемы такія же специальныя школы, гдѣ

бы должнымъ образомъ подготовлялись специалисты—регента, будущіе руководители церковныхъ хоровъ. Они должны быть истыми мастерами своего дѣла, художественно-эстетически понимающими духъ, смыслъ и значеніе церковнаго пѣнія во всѣхъ видахъ. Нынѣ наступаетъ время специализаціи труда. Знать всё, по нашему, какъ нибудь,—лучше ничего не знать. Нужны вездѣ теперь профессиональные работники. Нынѣшніе руководители церковныхъ хоровъ—и чтецы, и прочсвѣтители народа и письмоводители, и сельскіе хозяева. Пора раздѣлить функции обязанностей. Учитель долженъ быть учителемъ, и только. Зачѣмъ на его плечи взваливать непосильную ношу? Ему ли, утомленному дневными трудами въ школѣ, прбывшему добрую четверть дня, если не болѣе, въ насыщенной міазмами атмосферѣ классной комнаты, приниматься за новое дѣло изученія церковныхъ пѣснопѣній съ энергіей, свойственной только бодрой, свѣжей силѣ? Вѣда заставляеть его брать ся за камертонъ, когда всѣ силы у него истощены, когда голосъ его звучитъ сипло, когда грудь у него болитъ, когда нервы надорваны, раздражены. Выводъ прямой: пѣніе вялое, безжизненное, немилительное, нисколько невдохновенное, не только не располагающее къ молитвѣ, а скорѣе раздражающее. Псаломщикъ также не можетъ быть руководителемъ церковныхъ хоровъ. Его прямая обязанность знать въ совершенствѣ одногласное пѣніе и руководить таковымъ на клиросѣ и даже при общемъ пѣніи всѣхъ молящихся. Онъ—чтець. Онъ—церковный письмоводитель. Довольно съ него дѣла. Пусть назидаетъ молящихся въ храмѣ толковымъ разумнымъ чтеніемъ и возбуждаетъ въ сердцахъ вѣрующихъ молитвенныя воздыханія своимъ одногласнымъ пѣніемъ. Опытъ показываетъ, что въ кругу и этихъ прямыхъ обязанностей своихъ многие изъ нихъ еще не полновластные хозяева своего дѣла. Специализироваться должно и псаломщикамъ въ дѣлѣ изученія старинныхъ умильныхъ напѣвовъ, которые многимъ совсѣмъ неизвѣстны, а многими заботы.

Если жизнь церкви требуетъ учрежденія особой, специальной богословской школы для подготовленія будущихъ работниковъ на нивѣ Христовой пастырей, то въ меньшей степени является нужда и въ учрежденіи специальной школы для подготовленія будущихъ руководителей церковныхъ хоровъ—регентовъ. Безъ этого будетъ сдѣлана только половина дѣла. Вопросъ о матеріальныхъ средствахъ здѣсь не долженъ служить тормазомъ. (Подолія.)

Къ этому приходится прибавить, что надлежащая постановка церковнаго пѣнія въ школахъ Туркестанской епархіи пока несуществима, такъ какъ учительскій персоналъ въ наши школы набирается изъ женскихъ гимназій, а въ послѣднихъ обученіе пѣнію поставлено вообще слабо, а пѣнію церковному въ особенности. Достаточно указать на явленіе, кажется, общее всѣмъ гимназіямъ это—на поголовное уклоненіе учениць отъ посѣщенія уроковъ пѣнія, почти не преслѣдуемое гимназическимъ начальствомъ, чтобы вполне понимать положеніе нашихъ церковныхъ школъ въ вопросѣ о постановкѣ въ нихъ церковнаго пѣнія. Учитель въ церковной школѣ здѣсь рѣдкость, а знающаго пѣнія не отыщете. Что касается низшихъ членовъ причта, то возложить на нихъ обученіе пѣнію немислимо, въ виду обремененія ихъ занятіями по приходу и приходскому письмоводству. Выходъ одинъ—имѣть свое училище для подготовки учителей, такъ какъ вызовъ знающихъ пѣніе даже на должность регента, хорошо оплачиваемую, не достигать цѣли,—никто не соглашается сюда ѣхать. Ред.

Къ ревизіи Туркестана. Высочайше утверждена инструкция сенатору, назначенному по Высочайшему повелѣнію къ производству ревизіи Туркестанскаго края. Ревизіи, какъ указывается въ инструкціи, подлежатъ правительственныя и общественныя установленія всѣхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ управленій православнымъ духовенствомъ и войсками.

Ревизія имѣетъ главное цѣлю освѣтить всесторонне настоящее положеніе Туркестанскаго края и дать матеріалы для предстоящаго составленія новаго по-

ложенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ и обсужденія условій и порядка передачи этого края въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, въ связи съ вопросомъ о возможности примѣненія къ названному краю общихъ законоположеній, на коихъ основано управленіе внутреннихъ губерній имперіи.

Ревизиющему сенатору представляются широкія полномочія до возбужденія уголовного преслѣдованія, устраненія отъ должностей и преданія суду мѣстныхъ, назначенныхъ и выборныхъ должностныхъ лицъ всѣхъ ревизуемыхъ вѣдомствъ, состоящихъ какъ въ гражданскихъ, такъ и въ военныхъ чинахъ, личною властью сенатора безъ сношенія съ начальствомъ, за исключеніемъ лицъ, занимающихъ должности IV класса и выше, а также лицъ судебного вѣдомства, уголовное преслѣдованіе противъ коихъ должно возбуждаться съ соблюденіемъ подлежащихъ правилъ устава уголовного судопроизводства.

☞ **Панихида по убиенномъ экзархѣ Грузіи.** 6 сего іюля, въ Туркестанскомъ кафедральномъ соборѣ послѣ литургіи, Архіерейскимъ служеніемъ совершена была панихида по убиенномъ экзархѣ Грузіи Высокопреосвященномъ Никонѣ. Предъ началомъ панихиды Его Преосвященство обратился къ молящимся съ словомъ, въ которомъ приглашая присутствующихъ въ храмъ вознести усердную молитву о погибшемъ отъ руки злодѣевъ Архипастырѣ, объяснилъ, что кончина Высокопреосвященнаго Никона была кончиной мученика за правду, за святое русское дѣло. Его служеніе на окраинѣ среди враждебно настроенныхъ народностей и мученическая смерть возносятъ его на одинаковую высоту съ великими борцами за русское дѣло мучениками святителями Гермогеномъ и Макаріемъ и истинные сыны православной церкви не колеблясь питаютъ искреннюю вѣру. что Господь воздастъ убиенному и вѣнецъ мученической.

○ **Содержаніе неофіціальной части.** Эгоизмъ, какъ двигатель нравственной жизни человечества и основа добра. **В. Антоновъ**—Смыслъ, причины и значеніе такъ называемаго „разрыва“ русскаго интеллигентнаго общества съ народомъ. **И. Ранитинъ.**—Разышленіе христіанина по поводу евангельскаго чтенія въ недѣлю апостола **Томы.** **Приходскій Священникъ.**—О пастырскихъ собраніяхъ. **В. Антоновъ.**—Епархіал. и общая хроника.

За отвѣтственного редактора свящ. **В. Антоновъ.**

